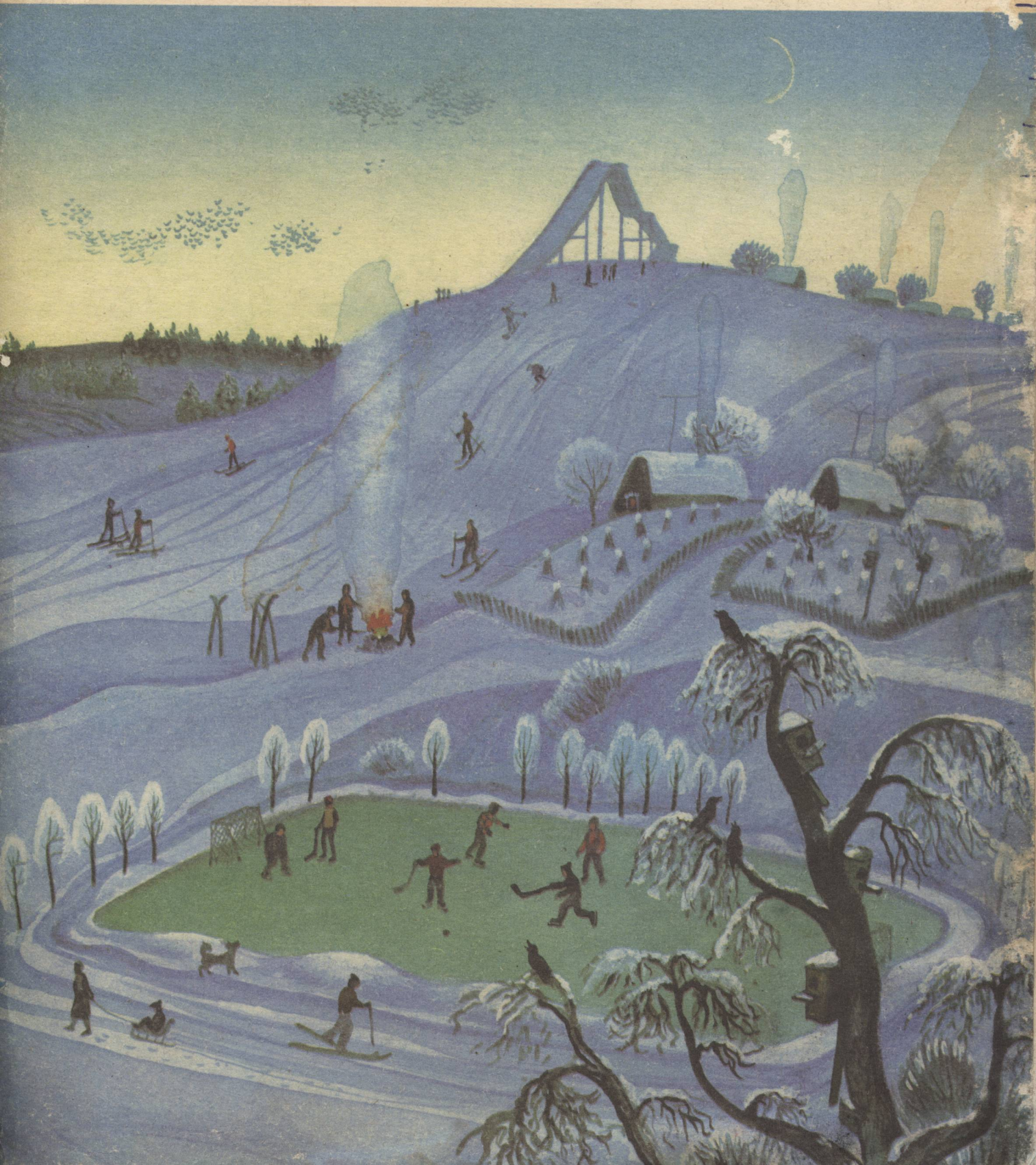

МАРШ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Двадцать три миллиона...
Двадцать три миллиона — это армия, какой не имел в истории ни один полководец! Именно такая армия — армия пионеров — живет, учится, действует в нашей стране.

Представьте, какую высочайшую плотину можно возвести, если каждый из вас положит камень к камню, уложенному товарищем... А если каждый посадит одно яблоневое деревцо, — зазеленеет сад, равный европейскому государству средней величины...

Вот какая вы сила, вот какая вы армия. Но вы — армия созидателей. Перелистайте свои пионерские газеты. О чем только не рассказывается там: пионеры разыскивают героев войны и устанавливают мемориальные доски, участвуют в трудовых десантах. Городские пионеры собирают книжки для ребят сельских школ. Пионеры Владимира готовят подарки ребятам Хайфона, клинцовские пионеры разыскивают материалы о партизанах Брянщины, пионеры Молдавии взялись за охрану родников питьевой воды. У ленинградских ребят своя забота — «Пионерская» улица...

А можете ли вы стать еще сильнее, еще могущественнее? Можете! Если каждый из вас захочет узнать еще больше, еще больше понимать, еще больше уметь.

Вас много. И все вы — разные. С разными вкусами, характерами, способностями, интересами. Один увлекается фотографией, другой — рыбной ловлей. Этот предпочитает спорт, тот — книги. Иной любит мастерить, а иной — дрессировать собак. Все это — ваши дела, большие или маленькие, и в марше «Всегда готов!» — они те самые камушки, из которых воздвигаются плотины.

Маршруты марша — не готовые рецепты ваших дел, это все то, что вы придумываете, начинаете, делаете сами... Но важно и обязательно — расширять свои интересы, углублять знания, оттачивать навыки...

Марш «Всегда готов!» длится уже полтора года. По его маршрутам идут красные следопыты, спортсмены, юннаты, техники, юнармейцы... Каждый маршрут это дорожка. И ведет она каждого к тому, что больше по душе, что занимает и увлекает.

Из всех маршрутов наиглавнейший — «Страна знаний». Ибо без знаний нельзя победить в «Зарнице». Без знаний нет интернациональной дружбы, нет и «звездочки», потому что даже для того, чтобы учить малышей, нужно знать, чему и как их учить.

Ваша организация носит имя Владимира Ильича Ленина. А Ленин был человеком огромных знаний и всю жизнь не уставал учиться. Он строил новое государство на основах науки и призывал молодежь овладевать всеми богатствами накопленных знаний...

Не теряйте времени! Тайны мастерства, науки, искусства открываются любознательным и деятельным. Кто не ищет и не добивается, тот ничего не достигнет.

Пионеры! Марш продолжается! В мае — смотр вашим делам и достижениям.

Тверже шаг, тесней ряды, юные ленинцы!

я, что место это во
стоящее.
редет. Она в колхозе
ом году даже полу-
шелковой ленточке.

ЯНВАРЬ

1972

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Сейчас зима, а здесь
„Жаркое лето“

2

А у нас в квартире
газ

17

Когда Эрмитаж
умывается

44

ЖАРКОЕ ЛЕТО

ПОВЕСТЬ

Николай Печерский

Рисунки Т. Капустиной

Ваня и Гриша

Мать Ваняты Пузырева надумала уезжать из села в какие-то далекие края. Ванята услышал об этом и страшно обрадовался. Раньше он никуда не ездил. Только в луга за сеном да на летнюю ферму к матери с пустыми бидонами для молока.

Но что это за дорога!

Теперь они уедут навсегда. Очень ему нужны это село и пустые бидоны, которые возит на ферму дед Антоний!

Даже не вспомнит никогда, даже дорогу сюда забудет!

Впрочем, может, когда-нибудь и наведается. Пройдет по селу, разыщет приятеля Гришу Самохина, которого дразнят козлом, и скажет: — Удивляюсь, как ты еще тут живешь!

Ванята представил картину будущей встречи с Гришей и даже улыбнулся.

Здорово он все-таки придумал!

Жаль только, что вернется он в село не скоро. Ваняте не хотелось ждать тех туманных дней, и он решил объясниться с Гришей сейчас, немедленно. Услышит — наверняка умрет от зависти!

Ванята принялся искать кепку. На этот раз она оказалась в грудке белья, которое мать гладила перед отъездом и складывала в чемодан.

Кепка была еще хорошая. Только замаслилась неизвестно отчего да козырек согнулся вдвое и стал похож на крышу голубятни.

Кепку изуродовал в драке Гриша Самохин. Дрались они с Ванятой чуть ли не каждый

день. Начиналось все по-хорошему: идут по улице мальчишки, болтают про свои дела и вдруг — шум, гам, летят в стороны пух и перья, кипит бой.

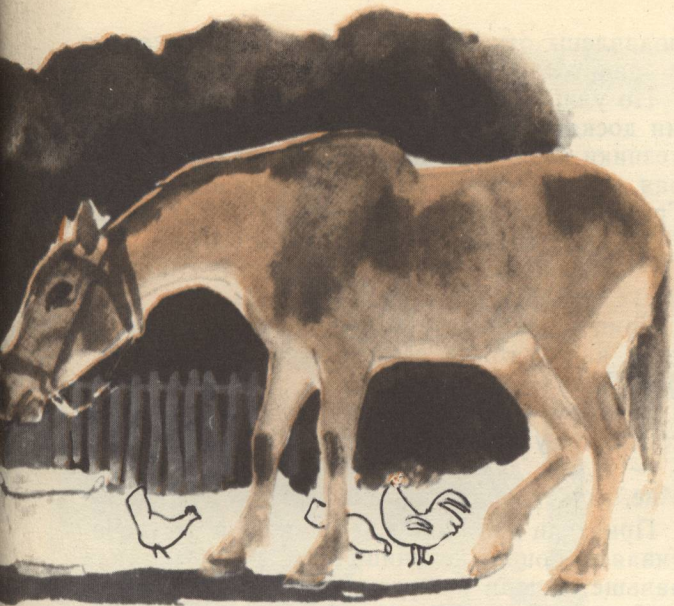
Ванята был слабее Гриши и поэтому терпел одно поражение за другим. Вздует Гриша приятеля и еще недоволен. Смотрит, как размазывает Ванята по лицу перемешанный со слезами пот, и говорит:

— Какой интерес с тобой драться? Как молчалка.

Трудно было понять, на каких подпорках держалась дружба Ваняты и Гриши. Умоется Ванята, исследует возле зеркала синяки и царапины и — снова к Грише. Никаких перемен, впрочем, после новых встреч не происходило. Все повторялось как в сказке про белого бычка.

Гриша считался в селе первым бойцом, и с ним никто не хотел связываться. Только Ванята не признавал Гришиной власти, сам при случае задирает приятеля и бился до последних сил. Уже лежит он пластом на земле, уже просить бы ему по всем правилам пощады, но нет, не сдается. Вертит головой, пинает противника ногами, норовит выскользнуть из цепких объятий.

Однажды, — было это, кажется, в прошлую субботу, — Ваняте все-таки удалось вывернуться выюном из-под Гриши и затем обратить его в поспешное и позорное бегство. Правда, уже потом Гриша говорил, будто он бежал просто так, чтобы позлить Ваняту. Но хитрой выдумке этой никто не поверил.

Так или иначе, но драки после этого прекратились. Видимо, бойцы раздумывали над тем, что произошло, взвешивали силы друг друга.

Сейчас Ваня готовился к новой встрече с приятелем. Интересно, что он запоеет, когда узнает про отъезд? Ваня напялил свою «голубятню», встал на цыпочки и заглянул в тусклое с черными крапинками зеркало. Ваня закончил шестой класс, но ростом был мал и в селе звали его махоткой. Из зеркала пристально посмотрел его двойник — крутолобый, усыпанный до самых ушей веснушками. Картину дополняли торчащие во все стороны волосы и пуговичный, облупленный нос.

Иной с такой вот личностью вообще бы не подходил никогда к зеркалу и зря не расстраивался. Но Ваня был вполне доволен тем, что дала ему природа. Он поправил кепку, надвинул ее поближе к правому уху, показал самому себе язык и отправился на улицу искать Гришу Самохина.

Долго искать Гришу не пришлось. Он стоял возле колодца, смотрел, как дед Антоний поит коня из широкого помятого ведра. Конь пил медленно, с расстановкой. Он знал, что впереди у него нет особых удовольствий. Дед Антоний, который навечно закреплен за его душой и рыжим ребристым телом, впряжет его сейчас в телегу, стегнет для порядка по боку и поедет на ферму.

Ваня смотрел на коня и думал, что, может быть, видит его в последний раз. Но эти мысли тоже не вызвали в его душе ни особой тоски, ни разочарований. Там, куда они уедут с матерью, всего насмотрится. Мать, правда, пока не посвящала Ваню в подробности их пере-

езда. Но он не сомневался, что место это во всех отношениях хорошее, стоящее.

Куда попало мать не поедет. Она в колхозе лучшая доярка и в прошлом году даже получила орден на красной шелковой ленточке. Ваня всегда был спокоен за свою судьбу. Сейчас он стоял рядом с Гришей, смотрел, как неторопливо пьет конь воду, и думал, как лучше выразить Грише свои мысли об отъезде.

Но вот дед Антоний и его конь ушли. Ваня помедлил для приличия, поправил свою знаменитую кепку и потом, будто между прочим, сказал Грише:

— А мы с матерью насовсем из села уезжаем...

Гриша никогда и ничему не верил. В душе у него, наверно, без всякого склада и ладу были расставлены на каждом шагу знаки препинания — точки, запятые, вопросы. Не успеет человек рта раскрыть, а у Гриши уже тут как тут наготове его точки, вопросы и вообще бестолковые возражения.

Не поверил Гриша Самохин и сейчас. Оттопырил нижнюю губу и легкомысленно заржал:

— Ге-ге-ге!

— Что «ге-ге-ге»? — возмутился Ваня.

— Ври больше, — сказал Гриша. — Я тебя давно знаю!

Ваня рассердился, хотел было треснуть для начала упрямого Козла по лбу, но воздержался.

— Чудак ты и больше никто, — сказал Ваня. — Тебе говорят, а ты... Мать уже чемоданы собирает!

Чемоданы, с которыми всегда связаны отъезды и перемены в жизни, неожиданно произвели на Гришу впечатление. Точки и запятые в его душе перепутались, смешались, и Гриша вдруг из упряма стал вполне нормальным человеком, которому знакомы и сомнения, и зависть, и другие человеческие слабости.

— Завтра уезжаем... а может, послезавтра, — подлил масла в огонь Ваня. — Я сейчас домой иду. Печь для пирогов топить надо.

Ваня рассказал другу о пирогах, которых надо наготовить в дорогу целых полмешка, о консервах, которые они дочиста вымели из магазина; потом сообщил еще одну новость: председатель велел дать им на станцию свою «Волгу» и грузовик для вещей.

Когда человек увлечется, он может наговорить лишнего. Ваня не заметил, как перешагнул опасную черту и чуть не загубил все дело.

— Ну и врешь! — сказал Гриша. — «Волгу» в ремонт отвезли. Сам вчера видел...

Ваня начал выкручиваться. Сказал, что про «Волгу» он тоже знает. И вообще «Волга» придет из другого колхоза. Председатель сам туда звонил и сам все сказал матери.

— Тебе завидно, так ты и не веришь, — добавил он. — Если не веришь, сам у председателя спроси. В избе он сидит, с матерью разговаривает...

Гриша Самохин, которого называли Козлом за его упрямство, поверил Ваняте. Он как-то грустно посмотрел на Ваняту и вздохнул. Ваняте от этого взгляда и этого вздоха тоже стало грустно и даже немного жаль драчливого, но все-таки верного друга.

— Я же не сам хочу уезжать, — виновато сказал он. — Это мать хочет...

Гриша долго молчал, по лицу его было видно, как мучительно собирался он с мыслями. Наконец он отвернул клапан кармана своей рыжей вельветки, ковырнул что-то ногтем и подал Ваняте серебряный крючок с крохотным круглым ушком для лески.

— Бери, — сказал он. — У меня целых два. На марки у Ермолая выменял...

Ванята хотел отказаться от подарка. Ему было жаль лишать друга ценной вещи. Там, куда они поедут, возможно, даже нет речки. Ванята искоса поглядывал на крючок и все больше понимал значение щедрой жертвы. Они давно дружили с Гришей, но просто так ничего друг другу не давали. Наоборот, Гриша даже пытался обжулить Ваняту и всучить ему при случае какую-нибудь чепуху.

Серебряный крючок с круглым ушком и острой тонкой зазубринкой лежал у Гриши на ладони. Ванята не брал подарка. Гриша по-своему понял, какие сомнения копошатся сейчас в голове друга. Он помялся и, стараясь не глядеть на Ваняту, сказал:

— Ты бери. Я за так даю. Ты ж меня знаешь!

Гриша в самом деле не жалел крючка. Даже бровью не повел, когда Ванята стал прикалывать его к подкладке замасленной, как у тракториста, кепки.

— На щуку крючок пускай, — посоветовал он. — Такой крючок для нее — первое дело. Таких крючков вообще не найдешь. Я, если хочешь...

Гриша не закончил мысли и умолк. На лоб одна за другой выбежали и застыли три крупные, похожие на птиц при взлете, полосы. Молчал и Ванята. Дружья поняли все, до самой последней капли. Они были смущены и

подавлены открывшейся вдруг им тяжестью и значительностью предстоящих событий.

По улице прошумел грузовик с нестругаными досками в кузове. На этом грузовике колхозники ездили на базар и на станцию, которая лежала где-то за темной полоской леса. Гриша проводил взглядом машину и спросил:

— Куда едете-то?

— Не знаю, — сознался Ванята. — Мать пока не сказала. Далеко, в общем...

Гриша пожевал губами, подумал и совсем тихо, как будто бы только для себя, сказал:

— Жаль!

В этом коротеньком слове было столько тоски, что у Ваняты все перевернулось в душе.

— А мне, думаешь, не жаль! — сказал он. — Мне, может, еще жальчей!

Приятели постояли еще немного и, не сговариваясь, пошли по улице. Все тут было как раньше: тополя у дороги, которые они сажали всей школой, клуб с чистой цинковой крышей, магазин с высоким дощатым крыльцом. За селом мерцала на быстрине юркая, заросшая по берегам тусклыми вербами река Углянка.

Ванята поглядел на эту реку и вспомнил, как в прошлом году поймал там огромную щуку. Он нес рыбину на плече, и хвост ее доставал почти до самой земли.

Ванята хотел напомнить Грише про щуку, но посмотрел на озабоченное лицо друга и отвел глаза в сторону.

Возможно, в эту минуту Гриша тоже думал о речке, где они пропадали с Ванятой до самых звезд, о зеленой зубастой щуке, которая попала в прошлом году на крючок друга, о драках, которые неизвестно отчего возникали между ними почти каждый день.

Гриша тронул Ваняту за плечо и тихо сказал ему:

— Ты попроси свою мать. Скажи «не надо уезжать» — и все! Взрослые — они тоже понимают... Ладно?

Глаза мальчишек встретились.

Ванята решительно надвинул на лоб кепку и отправился домой.

Хорошо, когда на свете есть друг и этот друг может дать тебе ценный совет. И, в конце концов, совсем не важно, если он сгоряча обзовет тебя мочалкой и треснет по затылку.

Чтоб вы сгорели!

Ванята пришел в избу и там увидел пасечника Егорышева. Это был совсем старый старик. Сухое загорелое лицо его состояло из одних морщин — глубоких, будто шрамы. Егорышев никогда не являлся к Пузыревым с пустыми руками. Приносил Ваняте ломтики со-

вого меда, хрустящее яблоко или конфету в обертке.

Станет у порога, посмотрит на Ваняту узеньким глазом, в котором прячется карий огонек, и скажет своему любимцу:

— А ну распахивай рот!

Таким Ваня помнил Егорышева всю жизнь. Он не менялся, как засохшее на корню дерево.

Сейчас Егорышев явился без подношений. Похоже, он даже не обрадовался Ваняте. Посмотрел мельком и снова спрятал свои узенькие глаза под кустиками белых колючих бровей.

Мать стояла возле окошка, смущенно теребила кончик толстой, как у девушки, косы. Наверно, у них тут был разговор, и теперь они не хотели, а может, и не могли продолжать его в присутствии Ваняты. Ванята понял это, но все равно из горницы не пошел.

Он сел за стол по другую сторону от Егорышева, положил руку на клеенку с розовыми линиями цветами. На лице его были спокой-

ствие и решимость. Мать и Егорышев переглянулись.

Ванята не тронулся с места. Он мал, но тут отчасти и его дом. Если смотреть глубже, Ванята тут вообще хозяин. Мужчина всему голова. Так говорил сам Егорышев, когда Ванята заглядывал на пасеку и сидел с ним на пенке среди золотого немолчного шума пчел.

Мать и пасечник продолжали разговор. Он был похож на хитроумную задачу с двумя неизвестными. Есть и условие, и ответ в конце учебника, а как решать и за какой уцепиться хвостик, — не придумаешь, хоть ты тресни.

Из разговора матери и Егорышева Ванята понял лишь то, что уже знал и раньше: мать уезжает из села, бросает избу, ферму, на которой работает дояркой, садик за плетнем, где греются на солнце крохотные, еще зеленые вишни.

Егорышев не хотел, чтобы мать уезжала. Сейчас, после встречи с Гришей, Ванята переменял курс на сто восемьдесят градусов и всем своим видом давал понять Егорышеву, что он в данный момент его друг и единомышленник.

Говорят, будто мысли передаются на расстоянии. Так это или не так, но Егорышев

вдруг посмотрел на Ваняту и сердито сказал матери:

— Ты это, Груша, зря затеяла! Парень не маленький. Все одно когда-нибудь узнает... Это, знаешь, — шило в мешке...

Ванята наострил ухо. Картина, покрытая мраком неизвестности, чуть-чуть прояснилась. Тут даже тюфяк, даже Гриша Самохин, который не отличался блеском ума, поймет: Егорышев говорил о нем, Ваняте.

— Хошь или не хошь, а из села тебя не выпустим, — продолжал Егорышев. — Ишь чего удумала!

Егорышев обернулся к Ваняте. В глазах его снова замерцали лукавые огоньки.

Ванята не успел ответить старику. Мать бросила косу за плечо, подошла к Егорышеву и сказала:

— Ты это мне, Егорышев, брось! Тебе говорят, а ты... Понятно тебе?

Егорышев смущенно и обиженно улыбнулся. Он посидел еще немного, поглядел, как молча и невпопад мать бросала в раскрытый чехол всякие пожитки, и, расстроенный до крайности, ушел.

— Чего это вы про меня говорили? — выждав минуту, спросил Ванята. Спросил и сразу же пожалел. У матери еще не перекипело все, не остыло в душе. Она схватила подвернувшуюся под руку тряпку и замахнулась на Ваняту.

— Как вытяну сейчас! Иди белье с веревки смай! Чтoб вы сгорели все, окайнные!..

Ванята поплелся во двор. Стягивал с веревки и складывал на руку сухое, пахнущее речной свежестью белье, и все думал о разговоре в избе. При чем тут он и этот неожиданный отъезд? Что скрывали от него мать и Егорышев?

Чем больше думал Ванята, тем больше запутывался.

Может, он сам виноват? Натворил что-нибудь, и теперь матери стыдно смотреть людям в глаза. Она хочет везти его в далекие края, перевоспитать там и снова сделать человеком...

Ванята перебирал по пальцам все хорошее и плохое, что удалось ему пока сделать. Получалось так на так, и то было, и это. Порой таскал из школы двойки, нырял ложкой в банку с вареньем, однажды разбил в доме Гриши Самохина стекло. Приходил Гришин отец, стыдил при матери, сулил вздуть ремнем.

Но уезжать из-за этого, конечно, не стоило. Гришин отец, если разобраться, тоже неправ. Весной Гриша высадил в их окне стекло, но мать не сказала ему ни слова. Залепила дыру бумагой — и все... Нет, как ни крути как ни верти, а Ванята тут ни при чем.

Зря мать хитрит и скрывает что-то от Ваняты. До сих пор секретов у них не было. Все по правде, по-честному. А дед Егорышев верно говорит — шила в мешке не утаишь. Правда все равно когда-нибудь вылезет наружу. Пасечник не желал Ваняте зла. Об этом даже думать нечего. Егорышев и Ванята — давние друзья. Ванята приходил в сад к пасечнику, лакомился сотовым медом, в котором застряли крылышки пчел, терпеливо слушал его рассказы. Пасечнику не хотелось терять такого ценного собеседника. Он намекал, что теперь развелись такие люди, которые сами лезут вперед с разговорами, а слушать и вникать не умеют.

Что же, в конце концов, получилось у матери — поссорилась с доярками, отругал ни за что ни про что председатель колхоза? Председатель был человек крутой, горячий и, как давно заметил Ванята, несправедливый. Однажды от него досталось и Ваняте...

Не зная беды, Ванята шел с рыбалки. На кукане болтались липкие пескари и живучие полосатые окуни. Председатель увидел Ваняту, перешел через дорогу и без всяких предисловий спросил: «Ты лодку зачем потопил, парень? Говори!» Сказал «говори», а сам даже рта не дал раскрыть, сыпал без передышки вопросами — «зачем, почему, до каких пор?»

Лодку, на которой переправлялись косари, Ванята не трогал. Даже не подходил к ней. Он рыбачил с берега. Другое дело — Гриша Самохин. Станет в лодку, упрется ногами в борта и давай рассказывать. Только рыбу распугает.

За все Гришины проделки влетало почему-то Ваняте. Это был не просто случай, не исключение, а система — как в таблице дважды два. Хоть проверяй, хоть не проверяй — итог один и тот же.

Грустные размышления Ваняты прервал шум мотоцикла. В селе на мотоцикле гоняли только двое — председатель и счетовод. Между прочим, председатель задавил в прошлом году петуха Пузыревых. Петух, правда, был дурак, сам лез, куда его не просили, но факт остается фактом.

Ванята поглядел вдоль улицы и узнал председателя. Он мчал по дороге на полном газу. Пыль клубилась сзади серым облаком. К плетням, размахивая куцыми крыльями, шарахались куры; с немым упреком смотрели вслед мотоциклу горбоносые рассудительные гуси.

Мотоцикл сделал по улице крутой вираж, подкатил к Ванятиным воротам, отрывисто фыркнул и тут же заглох. С черного потертого сиденья спрыгнул председатель в пыльных кирзовых сапогах и круглых космических очках на лбу. Он вынул из мотоцикла ключ, по-

вертел его на длинной цепочке и окликнул Ваняту:

— Мать дома?

Ванята снимал белье, уклончиво глядел в сторону — на корявую вишню с яркими лакированными листьями, на белого голубя с красной подпалиной на груди, который сидел на коньке черепичной крыши. Голубь был нездешний, залетел из каких-то далеких краев.

— Ты что — не слышишь? — спросил председатель.

Ванята молчал. После случая с лодкой он уже ничего хорошего от председателя не ждал. Только и умеет кричать!

Председатель подождал минутку, повертел ключ на цепочке и пошел в избу.

Ванята стоял среди двора с охапкой белья. В небе плыли высокие чистые облака, растялали по земле свет и тишину. Голубь с красной подпалиной на груди ходил по коньку черепичной крыши...

Председатель все еще не появлялся. Ванята перебросил с руки на руку белье и пошел в избу. Как он предполагал, так и вышло — председатель расстроил и себя и мать. Красный, злой он ходил взад-вперед по комнате и дымил папиросой. Мать Ваняты сидела возле стола и, уронив голову на руки, плакала.

Козюркино

Три дня и три ночи стучат колеса поезда. Ванята и мать в купе одни. На квадратном столике — сверток с едой, цветочный горшок с тремя сухими пожелтевшими окурками. Кроме Пузыревых, в вагоне еще двое — дядька в тусклых синих очках и девушка с грибным кузовком. Поезд часто останавливался, но пассажиров не прибавлялось. Наверно, он мчал в такие края, которые вообще никого не интересовали.

Ваняте грустно. Льет без передышки холодный косой дождь. Книжка, которую он взял в дорогу, кончилась. В чемодане под сиденьем есть еще одна. Но мать спит, и Ванята не хочет ее тревожить. Уснула она сразу после обеда и до сих пор не открывает глаз, не боится проспать своей станции. Порой Ваняте кажется, что впереди вообще ничего нет — ни станций, ни городов. Только серые тучи, мокрые деревья да лужи.

Кроме белья и книжки, в чемодане Ваняты лежит еще жестяная коробка с крючками и обернутый полотенцем портрет отца. Отца Ванята не знал и не помнил. Он погиб в сибирской тайге, когда Ваняте исполнилось полтора года.

До этого отец работал на кирпичном заводе, который был рядом с селом. Ему надоело возить в самосвале кирпичи, потянуло в далекую опасную дорогу. Мать долго размышляла над своей судьбой и в конце концов согласилась ехать с мужем в Сибирь. Отец тронулся в путь один. А через год, когда Ванята подросток и уже сам бегал босиком по двору, мать написала отцу письмо и тоже стала готовиться в дорогу. Тут и пришла неожиданно-негаданно в дом Пузыревых страшная весть. В тайге, где строили новый завод, случился от молнии пожар. Отец спасал с рабочими стройку и тайгу и сгорел в глухой, объятый пламенем чаще. Его да-

же похоронить не смогли. Потом среди гарей нашли только медную пряжку с темной расплавленной звездой. Это была пряжка от ремня, который носил отец.

На память о прошлом у Пузыревых остался лишь портрет отца в узенькой сосновой рамке. Ванята — вылитый отец. У отца такой же крутой лоб, поставленные чуть-чуть вкось глаза, а на щеках и возле переносицы пятнышки — веснушки...

Мать все спит и спит. Тихо вздрагивают губы. От ресниц падает на щеку синяя задумчивая тень.

Ваняте вдруг захотелось сделать для матери что-то большое и значительное. Такое, чтобы она улыбнулась и сказала: «Ну и обрадовал же ты меня, сынок!»

Он помечтал еще немного, потом встал со скамьи и поправил материну подушку. Мать быстро открыла глаза и улыбнулась Ваняте. Будто она вовсе и не спала, все видела и знает.

— Ты что, сынок?

Ванята смутился, сделал вид, что подошел он совсем случайно и вообще смотрит на станцию, которая в самом деле показалась за высоким светофором.

— Станция вон, — сказал Ванята. — Может, купить чего?..

Мать опустила ноги, достала из рукава платочек с деньгами, потянула зубами узелок и подала Ваняте бумажный рубль.

— Бери, — сказала она и улыбнулась краешками губ, возле которых недавно, но, видимо, уже навсегда, прорезался острый горький ручеек. — Конфет купи или мороженого. Чего хошь.

Ванята принял рубль, настороженно и строго посмотрел на него и возвратил матери.

— Ты чего, Ванята?

— Так просто... спрячь, — охрипшим глухим голосом сказал Ваня. — Не надо...

Мать спрятала деньги и вдруг потянулась вся к Ване, прижала к себе крепкой, огрубевшей в работе рукой.

— Ты, Ваня, не сердись... Когда вырастешь, я тебе сама все обскажу. Ты из меня, сынок, не мотай жилы...

Они посидели рядышком несколько минут, потом, смущенные и растроганные тем, что произошло, начали собирать вещи, стягивать веревками чемоданы. Долгий путь подходил к концу.

Ехали они не в город или райцентр, как мечтал Ваня, а в какое-то село с тихим загадочным названием Козюркино. Там жила вдовая двоюродная сестра матери — Василиса. Она о приезде знает, ждет не дожидается Ваню. Мать будет работать на ферме, и все у них пойдет как раньше. Не надо только распускать слюни. А тайна пускай останется тайной. У каждого есть какой-то секрет. У Ваню, если подумать, тоже тайн до самой макушки.

Вскоре в их купе вошел заспанный помятый проводник, громко, как на базаре, прокричал: — Граждане пассажиры, — Козюркино! Прощу приготовиться...

Они сошли с поезда, поставили на землю чемоданы.

Вокруг — ни души. В стороне от низенькой дощатой станции стояла телега.

Через минуту из дверей станции вышел низенький человек с двумя цинковыми ящиками в руках. Он отнес груз на телегу, кинул сверху брезент и пошел прямым ходом к матери и Ване.

Когда он приблизился, Ваня увидел, что это мальчишка. Такой, как Ваня, а может, на год или два постарше. На мальчишке был синий замасленный комбинезон с длинной молнией, матросская тельняшка и заляпанные снизу доверху сапоги.

— Здравствуйте, — сказал он. — Вы Пузыревы? Лицо матери вмиг просветлело.

— Пузыревы мы, — поспешно сказала она. — И я, и Ваня. Вы за нами?

— Что же вы перепутали все? — недовольно сказал мальчишка. — В телеграмме один поезд, а приехали — другим. Мне кино в Козюркино везти надо.

Мальчишка поглядел на смущенные лица прибывших и взял на полтона ниже.

— Давайте, однако, чемоданы. Чего тут!..

Ваня не допустил мальчишку к чемоданам. Согнулся, подцепил их за ручки и, раскачиваясь из стороны в сторону, пошел к телеге. Сам поднял их и полез на рыхлую, пахнущую горькой прелью солому.

Мальчишка обошел вокруг телегу, оглядел колеса, хотя они исправно стояли на своем

месте, и начал неторопливо затягивать подпругу.

— Ну, что, садиться? — спросила мать.

Мальчишка наморщил узенькие белесые брови, озабоченно поглядел на часы, которые висели возле станции на высоком столбе, и сказал:

— Обождем еще чуток. Скоро сорок третий придет...

Ну и новости! Торопил, говорил, что надо ему поскорее везти в Козюркино кино, а теперь...

— Приедет еще кто? — спросила мать.

— Может, и приедет. В общем, подождем...

Мальчишка снова пошел на станцию.

Сорок третий, о котором говорил мальчишка, пришел только через час с четвертью, постоял минутку, коротко просигналил и помчался дальше.

Вернулся мальчишка один. Был он чем-то озабочен и расстроен. Не глядя на седоков, прыгнул в телегу, щелкнул вожжами по лошадиным бокам и протяжно сказал:

— Но-о-о!

Застучали, запрыгали по серым горбатым камням колеса. Потом мостовая кончилась,

потянулась вязкая, размытая дождями полевая дорога.

— Вас как зовут? — спросила мать угрюмого возницу.

— А так и зовут — Иваном... У тетки Василисы остановитесь, что ли?

— У нее, Ваня... Как вы там живете в колхозе?

— Ничего, живем, — не оборачиваясь, ответил мальчишка. — На последнем месте в районе считаемся...

Мать удивленно подняла брови, подумала о чем-то своем и спросила:

— Чего ж это вы так оплошали?

Возница в комбинезоне поглядел на кончик кнута и серьезно, будто о чем-то давно решенном, сказал:

— Тут дело ясное — оргвопрос!

Ваня сидел молча. Ему не нравился ни мальчишка, который оказался его тезкой, ни то, что мать называла его на «вы», будто важную птицу.

Ваня вспоминал Гришу Самохина, сравнивал с новым знакомым. Гриша был настоящим другом. Подарил ему крючок, проводил до самой станции и обещал писать и никогда

не забывать. Тут даже сравнивать нечего! Если человек, так сразу видно, что он человек...

Скрипели колеса, отрывисто, будто кто-то щелкал языком, чавкала копытами лошадь, месила густую дегтярно-черную грязь.

— Чего же это у вас не ладится в колхозе? — снова спросила мать. — Председатель, что ли?..

— Председатель сейчас ничего, из Тимирязевки прислали... — Тетка Ваняты взмахнул кнутом и добавил: — Вот парторг вернется, вместе с председателем колесо вертеть будет. Он, парторг, кое-кого прижмет... это уж точно!

— А где он, парторг ваш? — спросила мать.

— В больницу умирать повезли, — просто, не понижая голоса, ответил возница. — В областной центр.

— Это как же — умирать? — удивленно спросила мать. — Ты чего выдумываешь?

— Я не выдумываю. Его третий раз возят. У него... — Мальчишка замялся. — Болезнь, в общем, у него... Возят-возят, а он все удивляет.

— Ну, а сейчас как? — спросила мать.

— Все то ж. Фельдшер давеча к отцу приходил. Говорит, теперь насовсем увезли.

— Помрет, значит?

Мальчишка резко обернулся. На тонкой загорелой шее напряженно вздулась жила.

— То есть как это — помрет? — строго и недовольно спросил он.

— Ты ж сам говоришь...

— Говоришь, говоришь! Мало чего болтают... Я б этому фельдшеру!..

Мальчишка озабоченно подергал вожжами и тихо, так, что Ванята едва расслышал, произнес:

— Вернётся-о-тс! Обратно сбежит наш Платон Сергеевич...

За поворотом дороги, там, где кончалась лесная полоса, показались избы Козюркина. Деревня засела меж двух отлогих холмов. Внизу петляла небольшая речка. В темной воде мерцали серебряной подкладкой листья густой, разросшейся по берегам лозы.

Мальчишка ткнул куда-то в сторону кнутовищем и сказал:

— Вона тетка Василиса бежит. Видите?

По дороге, выбирая тропку посуше, бежала полная женщина в красной косынке. Она подбежала к телеге, распахнула руки.

— Ах ты ж, боже ж мий! — запричитала она. — Ах ты ж, Ваняточка мий! Ах ты ж ридненький!

Выпустив Ваняту, тетка Василиса принялась за мать. Когда первый прилив радости прошел, она села в телегу, ткнула в спину мальчишки пальцем и крикнула:

— Та чего ж ты стоишь? Та гони ж ты ее, проклятую!

Свистнул кнут, и телега, кренясь и грохоча, помчала в Козюркино.

Правнук деда Егора

В чужом доме даже часы тикают иначе. Эти часы и разбудили Ваняту. Длинный ящик из темного дерева висел на стене. Сверкал на солнце неторопливый медный маятник. Часы ударили десять раз. Били они громко и бесцеремонно, будто сообщали, что на этом деле не кончится и, если они захотят, то могут ударить вообще сколько им вздумается.

Когда часы смолкли, стало еще тише. В избе никого не было. Только Ванята, хитрые часы и лебеди на коврике, которые плавали возле высокого белого замка.

В незнакомой избе не сразу все найдешь. Пока Ванята разыскивал в сенцах медный ручкомойник, пока умылся и раздумывал о своем житье-бытье, часы успели прогреметь еще раз.

Ванята вышел на крыльцо. Слева за деревянным заборчиком зеленел огород, и там, согнувшись, полола грядки тетка Василиса.

Была она уже старая, но все еще работала в поле, кухаркой в тракторной бригаде. Когда тетка Василиса узнала, что приезжают Ванята и мать, она отпросилась у трактористов до-

мой — приветить гостей, помочь им освоиться в чужом доме. Тетка Василиса услышала скрип двери, бросила в сторону тяпку, заторопилась к Ваняте.

— Ах ты ж, Ваняточка! Ах ты ж, боже ж мий! Та ты вже проснувся? Та що ж ты не скажешь! Та ходим же скорей в хату.

Тетка Василиса на ходу обняла Ваняту и потащила в дом.

Минута, вторая — и Ванята уже за столом. Перед ним в алюминиевых мисках — картошка, соленые огурцы с мокрыми веточками укропа, кусок жареного мяса с мозговой костью.

Ванята ест и слушает тетку Василису. Тетка завелась, и теперь ее не остановишь, пока она не выговорится.

— Та ты ж, Ваняточка, ешь! Та чего ж ты на то мясо дывишься. Ах, боже ж мий! А мать уже на ферму пошла. Така работяща, така гарна! Ах ты ж, боже ж мий!

Ванята съел, что полагалось, и снова пошел во двор. Он хотел помочь тетке Василисе в огороде, но она замахала руками: Ванята по-

ка еще гость, пускай он лучше идет в село и там найдет себе друзей-приятелей.

— К той хате иди, — показала она на большой из красного кирпича дом. — Ха-а-роший там хлопчик живет. Батяка его на ферме работает. Трунов по фамилии. Ну такой хлопчик гарный! Та чого ж ты стоишь? Ах ты ж, боже ж мий! Та йды ж ты, я тоби говорю!

Тетка Василиса столкнула Ваняту с крыльца, проводила его взглядом до самой дороги и снова пошла в огород к брошенным грядкам.

Хорошего хлопчика, о котором говорила тетка Василиса, Ванята увидел возле кирпичного дома. Он щелкал семечки, сплевывал шелуху и смотрел на приближавшегося Ваняту. Мальчишка был в длинных брюках и белой, застегнутой на все пуговицы рубашке. Через щеку его тянулась пухлая марлевая повязка.

Ванята в жизни ни с кем не знакомился. В селе, где он родился, все давно знали друг друга и росли рядышком, как тополя при столбовой дороге. Из всей этой церемонии Ванята четко представлял себе лишь одно — не следует идти первому на сближение. Он прошагал мимо мальчишки с повязкой, бросив лишь равнодушный, полный достоинства взгляд.

Все получилось как по нотам. Мальчишка, у которого, вероятно, тоже были свои взгляды и принципы, не утерпел. Он удивленно вытянул шею и крикнул вслед Ваняте:

— Эй, ты, иди сюда!

Ванята остановился. Мальчишка подождал минуту и сделал два небольших осторожных шажка. Ванята подумал и тоже сделал навстречу мальчишке два шага. Ровно два — и ни капли больше. Так они и шли друг к другу, как идут к трудной и опасной черте опытные хитроумные дипломаты.

Последние два шага сделал мальчишка с повязкой.

— Ты чего это? — недовольно спросил он. — Идешь и...

— А ты чего?

— Чего-чего! Зачевокал! Тебя как зовут?

— Ванята.

— А меня Сашка Трунов. Дружить будем? Ванята слегка пожал плечами.

— Как хочешь...

— Тогда пошли в избу. Там познакомимся. Сашка взял Ваняту за руку и повел в дом.

— Ты только со мной дружи, — добавил он. — С другими дружить не надо. Ну их к чертям. Правда?

— Это почему?

— Так... тут такие люди!.. Ваньку Сотника знаешь?

— Какого?

— Ну того... на станцию за вами ездил. — Сашка огорченно покрутил головой, видимо,

вспомнил что-то и добавил: — С ним в первую очередь не дружи. Кашалот!

Сашка привел Ваняту в большую чистую горницу. На стенке возле блестящей кровати отливал синими и красными цветами большой ковер и прямо на нем висел портрет какого-то очень угрюмого бородатого деда.

Сашка усадил гостя на диван, а сам между тем содрал со своей щеки марлевую повязку, скомкал ее и без сожаления бросил на подоконник.

— А как же зуб?

Вместо ответа Сашка сложил пальцы в горстку, надул щеку и пощелкал по тугой и звонкой, будто на барабане, коже.

— Телят фермских пасть посылали, — сказал он. — Я им что — пастух, правда?

Ванята почувствовал себя как-то неудобно в этом большом незнакомом доме. Со стенки, не сводя с него злых колющих глаз, смотрел бородатый дед. Казалось, сейчас он раздвинет рот, поднатужится и крикнет на всю избу: «А ну, мети отселя, прохиндей!»

— Кто это? — стараясь не смотреть на бородача, вполголоса спросил Ванята.

— Это дед Егор, — важно сказал Сашка. — Не слышал про него?

Ванята смутился. Ему не хотелось показывать перед новым знакомым свою серость и темноту. Может, это и в самом деле какой-нибудь известный и ценный дед!

— Это мой прадед, — строго и назидательно объяснил Сашка. — Личный портрет его в музее висит. Это копия с оригинала. Ясно тебе?

— Ну, ясно...

— Это был самый бедный дед в селе, — добавил Сашка. — У него только соха была, телега, жеребенок и двое лаптей.

Правнук деда Егора прищурил глаза и выразительно, будто доклад по бумажке, продекламировал:

— Это, товарищи, портрет Егора Васильевича Дороха, безлошадного крестьянина, движимое и недвижимое имущество которого оценивалось в тридцать два рубля шестнадцать копеек. Он является типичным представителем мрачной эпохи, для которой было характерно...

Докладчик запнулся, беспомощно похлопал глазами и добавил, теперь уже от себя:

— Классный был дед! Скоро фотограф приедет. Портрет с меня сымать будет!

— А ты тут при чем?

— Как при чем? — удивился Сашка. — Дед вон как жил, а я вон как живу — и телевизор, и ковер... Отец сказал, когда вырасту — мотоцикл купит. С люлькой...

Сашка Трунов ждал одобрения. На лице его застыло выражение скорбной меланхолии

и величия, которое встречается чаще всего на портретах очень серьезных и довольных собою людей.

— Ты чего молчишь? — удивленно спросил он.

У Ваняты не было абсолютно никакого желания расспрашивать Сашку о его коврах, мотоцикле с люлькой и о типичном представителе мрачной эпохи, который оглядывал комнату своих потомков и ждал, чем тут все закончится.

— Катись ты со своим дедом! — сказал Ванята. — Дед на помещика спину гнул, а ты... даже слушать противно!

— Противно, да? — крикнул Сашка. — Я тебе сейчас покажу! Я тебя в момент!..

— Не ори! — спокойно сказал Ванята. — Чего, в самом деле?

— А ты чего? Приехал и нос дерешь! Я про тебя, если хочешь, уже все знаю. Вот!

— Ничего ты не знаешь. Мелешь языком...

— А вот и знаю! В Козюркино чего приехали? Молчишь? Видели мы таких! У нас этих шатунов вот сколько было!

— Дурак ты! — сказал Ванята. — Про нас говорить нечего. Нос сперва утри!

— А я все равно скажу.

Ванята ухмыльнулся.

— Давай, давай! Крой!

— Все знаю! — отрывисто и зло прокричал Сашка. — Вас из колхоза турнули. Погрели ручки на чужом добре, а теперь сюда заявились. Шиш вам с маслом!

— Ты это брось! — сказал Ванята. — За такие шутки, знаешь!..

— А ты не пугай! Прокурор за ручки возьмет, не так запоеет! Отец ему все написал...

Ванята рывком поднялся с дивана.

— Чего плетешь! Чего он написал?

Сашка втянул голову в плечи. Глаза его забегали.

— Иди ты!.. Пошутить уже нельзя? Чего ты?

— Что написал, спрашиваю?

Ванята схватил Сашку за рубаху, будто лошадь за уздечку. Притянул к своему лицу,

подержал вот так секунду и швырнул от себя. Сашка попятился и упал.

Ваня толкнул ногой дверь, сбежал по крылечку и, не оглядываясь, пошел по вязкой после дождя, истоптанной острыми коровьими копытами улице.

Неожиданная встреча

Тетка Василиса посмотрела на хмурого взъерошенного Ваню и не стала ничего спрашивать. Собрала оборочкой губы, подумала минуту и вдруг взорвалась:

— Та плюнь ты на нього, на того Сашка!

Весь в батька пишов. З моста их обоих та в воду. Тьху на них, проклятых!

Ваня не спросил, почему тетка Василиса костерит без смущенья «гарного хлопчика». Возможно, она поторопилась с выводами, когда расхваливала Сашку, или же хотела, чтобы Ваня не торчал понапрасну дома и проветрил свои мозги.

Он сидел на крылечке, печально и безнадежно смотрел на тихую безлюдную улицу. Только изредка прогремит грузовая машина, с криком перебежит дорогу сумасшедшая курица, и снова тянет свою тонкую нить тишина.

Тетка Василиса готовила во дворе обед. В глиняной, похожей на маленький пароход печке потрескивали дрова. Над трубой с черным закопченным ведром наверху мерцал синий зыбкий дымок.

Посреди улицы Ваня увидел вдруг какого-то человека. В синем галифе с вылинявшим малиновым кантом, старенькой защитной гимнастерке и такой же, как у Ваняты, серой кепке. Незнакомый Ваняте человек, по-солдатски размахивая рукой, быстро направлялся к их дому.

Тетка Василиса тоже заметила путника и с криком помчалась к калитке.

— Ой, боже ж мий! Та що ж це таке? Та невжеж ты, Платон Сергеевич! Ой, лишенько ж мое, ох, ты ж мий риднесенький! Та звидки ж ты взявся? Та тебе ж у ту саму болныцю, щоб вона сказылась... Та як же це ты?

— Приехал, Василиса Андреевна. Ночным приехал.

На лице тетки Василисы отразились удивление, восторг и те чувства, которые люди не умеют высказать словами.

— Значит, втик? — тихо, почти шепотом спросила она.

— Убежал, Василиса Андреевна. Ну их, тех врачей, к богу.

— А я ж тобі що говорю! Та вони ж, ти доктора, тильки пилюли дають. Та я б отих докторов!..

Тетка Василиса смолкла на минуту, потом радостно и широко улыбнулась.

— Сотник Ванька цілий день тебе на станції караулил, — сказала она. — От же проклятущий хлопец! Гостей моих начисто с голоду поморил.

Тетка Василиса увлекла гостя к крыльцу и, показывая на Ваню, сказала:

— Ось познайомся, пожалуйста. Племянник мий. Ну такой гарный хлопчик!

Платон Сергеевич протянул Ваняте крепкую сухую ладонь.

— Здравствуй, Ванята!

— Откуда вы знаете, что я Ванята?

Платон Сергеевич улыбнулся.

— По глазам вижу. Точно такие пузыри, как у матери.

Ваня хотел обидеться, но передумал и тоже улыбнулся.

Глаза у Платона Сергеевича были голубые, веселые. Только лицо его тронула дымчатая желтизна да седые виски выдавали немолодые уже годы.

Платон Сергеевич сел рядом с Ванятой. Тетка Василиса ушла, чтобы не мешать мужскому разговору.

— Ты что же мне кадры избиваешь? — спросил Платон Сергеевич, помедлив.

У Ваняты глаза на лоб полезли.

— Какие кадры?

— А вот такие... Сашку Трунова зачем отлупил?

— Так я ж его...

— Сам вижу, что ты его... Физиономия вся перевязанная. На ферму прибегал, отцу жаловался. Мать твоя хотела сюда идти, так я отговорил. Сам, сказал, побеседую. Мне все равно по пути.

— Не бил я его, — сказал Ванята. — У него от зуба повязка...

— Конечно, не бил... Унтер-офицерскую вдову тоже не трогали. Сама себя высекла...

— Какую вдову? — еще больше изумился Ванята.

— У Гоголя такая есть. В «Ревизоре». Не читал?

— Про вдову не читал, — сознался Ванята. — Мы еще не проходили.

— Это ничего, — успокоил Платон Сергеевич, — пройдет. Жизнь, брат, потруднее пройти. Правильно я говорю или у тебя своя точка зрения?

Честно говоря, у Ваняты не было определенной точки зрения. Но серьезный вопрос требовал серьезного ответа. Ваняте хотелось ответить парторгу строго и веско.

— У меня тоже такая точка зрения, — сказал он, запнулся и торопливо добавил, — тут, главное, оргвопрос...

Платон Сергеевич рассмеялся, быстро спросил:

— Нравится тебе Ваня Сотник?

Неожиданный вопрос смутил Ваняту.

— Так себе, — туманно сказал он. — А вам как?

— Не особенно, — сказал Платон Сергеевич. — Только наполовину.

— Почему?

— Трактор в болото загнал. Сел потихоньку от всех и шпарит. А технику только по книжке знает. Пропахал борозду, доехал до края — остановить не может. Так и плюхнулся в болото. Насилу вытащили потом трактор этот...

— Что же ему было? — спросил Ванята.

— А что с него? Как с гуся вода. Отца пришлось на десятку оштрафовать. Пускай воспитывается...

Платон Сергеевич вынул из кармана мятую пачку папирос, закурил. Тетка Василиса услышала запах дыма, быстро оглянулась и пошла к парторгу.

— Ах ты ж, боже ж мий, та що ж ты робишь! Та що ж ты оту пакость смалишь! Та тобі що доктора сказали!...

Платон Сергеевич спрятал папиросу за спину, но тетка Василиса схватила его за руку и вырвала папиросу.

— Ще раз побачу, так я тебе на твоєм партсобрании в пух и прах розделаю! Ну прямо тобі дытына мала, и все. Пишли в хату обидать. Зварився борщ.

— Спасибо, Василиса Андреевна. В поле надо. Там пообедаю.

— Ходим, кажу тобі!

Платон Сергеевич выставил вперед ладони, отгораживаясь от тетки Василисы и ее борща, который уже пах на весь двор, а возможно, и на все утонувшее в летнем зное Козюркино.

— Ну хоч чайку попей.

Не ожидая согласия парторга, тетка Василиса юркнула в избу, загремела чашками и ложками. Платон Сергеевич вынул новую папиросу, подмигнул Ваняте и неожиданно спросил:

— Ты когда встаешь, рано?

— Не знаю. Могу и рано. А что?

— Если рано проснешься, приходи к конторе. Ладно? С ребятами познакомлю. Хватит вам друг другу носы бить. Какая твоя точка зрения?

— Не бил я вашего Сашку! — сказал Ванята. — У него винта в голове не хватает!

— Ладно, поверим для начала, — сказал Платон Сергеевич. — Смотри же, приходи утром. Свеклу прорывать будете. Ребята уж согласились. Народу у нас пока маловато. Хотели из города подмогу прислать так мы отказались. У городских тоже дел по горло. Сами справимся. Верно ведь?

— Точно! — сказал Ванята. — Я уже работал. Вся школа ходила. Яблоки собирали.

На пороге с деревянным блюдом в руках возникла тетка Василиса. В пузатой фаянсовой чашке дымился горячий чай, рядышком лежали пирожки и острые кусочки колотого сахара.

Платон Сергеевич взял с блюда кусочек сахара, задумчиво положил на язык, запил чаем.

— Спасибо, Василиса Андреевна. Я пошел...

Он приподнял над головой кепку и зашагал к воротам.

Делать Ваняте было нечего. Посидел еще на

крылечке, вспомнил верного друга Гришу Самохина и решил написать ему письмо.

Чернил в избе не оказалось. Ванята нашел на подоконнике огрызок карандаша, сел к сто-

лу, потряхнул головой и крупными круглыми буквами написал на тетрадном листке:

«Здравствуй, дорогой друг Самохин Гриша! Мне тут без тебя ужасно плохо...»

Бусинка

Платон Сергеевич ушел, и тетка Василиса сразу заскучала. Она слонялась по избе, поправляла на кровати подушки, одергивала марлевые занавески, гоняла полотенцем звонкую, залетевшую на запах борща осу.

— Ах ты ж, боже ж мий! Та як же вони там, мои хлопчики, в бригаде? Та ж вони голодні там, мои риднесеньки!

Обещала она оставаться дома, пока вернется мать, но не утерпела. Положила в корзину ломоть сала с розовой жилкой посередине, несколько головок чеснока и смущенно сказала Ваняте:

— Ты тут пиши, а я пишла. Нехай трактористы чесночку погрызуть. Там же таки гарни хлопчики... Ты ж тут дывись, Ванята, хозяйнуй...

Вышла из дома степенной осанистой походкой. За плетнем украдкой поглядела вокруг и припустила под горку мелкой торопливой рысцой.

Ванята закончил письмо, сделал самодельный конверт-треугольник и вышел на крыльцо. Почтовый ящик был недалеко, висел посреди улицы на старом с оборванными проводами столбе.

Он опустил письмо и снова пошел домой. Солнце тянуло к вечеру. В небе зарумянилось летучее облачко. От реки, не нарушая строя, шли сытые, довольные судьбой гуси.

Скоро вернется со своей работы мать. Ванята согрел для рукомойника воды, вынул из шкафчика миски и ложки, нарезал от каравай ломтики хлеба.

Потом он решил сделать матери сюрприз. Вытащил из чемодана портрет отца и повесил его в горнице на видном месте. Сразу стало теплее и уютнее. Ванята глядел на портрет отца и размышлял, как ему теперь вести себя и стоит ли намекнуть матери о своем разговоре с правнуком деда Егора. Впервые по-настоящему пожалел он, что нет рядом друга и собеседника. От таких бесконечных дум нетрудно спать.

Ванята представил на миг, будто бы он тут не один, а рядом с ним — верный и бесценный друг Гриша Самохин. Ванята посмотрел на мнимого Гришу, сделал печальное лицо и, стесняясь самого себя, сказал ему для начала:

— Вот, Гриша, какие у меня дела. Понимаешь?

— А чего понимать? Все нормально! — ответил Гриша.

— Разве это нормально! — возмутился Ванята. — Не знаешь, а говоришь...

— Зря паникуешь, — спокойно и убежденно ответил Гриша. — А Сашка Трунов дурак. Я из твоего письма сразу все понял.

— Это верно, что дурак, — согласился Ванята. — Я тоже так думаю...

— Чего ж тогда мучаешься?

— Все-таки... Прокурору, говорит, отец написал.

— Пускай пишет. А только лично я твоему Сашке ни капли не верю. Сначала щеку себе перевязал, потом отцу про тебя набрехал. Ты ж не бил его?

— Пока нет. Толкнул только...

— Эх, ты! — сказал Гриша. — Даже постоять за себя не можешь! Я бы этого Сашку в порошок! Понял?

— Тебе хорошо говорить! Я ж тут новый. Только приехал...

— Ну и что? А если тебя в космос пошлют, на Венеру. Тогда как?

— Полечу. Чего мне...

— Полетишь?! Знаю я тебя, мочалу! Там, знаешь, как надо, на Венере?

— Скажи, раз ты такой умный!

— Там надо вот так... смотри как!

Незримый Гриша Самохин вытянулся в струнку, вскинул ладонь к виску и сказал:

— Там надо вот так: «Привет, граждане Венеры! Я из СССР!» Понял?

— Ну, понял...

— Ничего ты не понял! Только туман напускаешь. Когда человеком сделаешься?

— Сделаюсь. Я ж тебе сказал...

— Ну, скорей делайся! А то ждать уже надоело...

Друзья помолчали. Ванята собрался с мыслями и снова напомнил Грише:

— Ты, Гриша, все-таки посоветуй, что мне делать с этой историей? Ты ж друг. Я твой крючок всегда помнить буду!

— А что делать? Я тебе сказал — плюнь и разотри.

— Не говорить, значит, матери про Сашкину болтовню?

— Спрашиваешь! Молчи — и все. Мало что лопух этот придумает! Если хочешь, я сам все в нашем колхозе узнаю и напишу тебе. Ладно?

Ваня не успел ответить верному и суровому другу. Хлопнула дверь, и на пороге появилась мать. Сбросила косынку, поправила сбившиеся на лоб волосы и сказала:

— Здравствуй, Ваня. Я тебя сегодня еще не видела.

— Здравствуй, мам!

— Кормить станешь?

— Ага. Уже борщ разогрел.

Ваня смотрел на мать. Она ему нравилась. Впрочем, не только ему. В деревне ее называли красавицей. Ваня видел красавиц только на страницах «Огонька». Пышные дамы в строгих платьях, с блестящими сережками в ушах особого впечатления на него не производили. Мать его была совсем иной. У нее смуглое продолговатое лицо, чуть-чуть вздернутый тонкий нос и черные непроглядные глаза. Если даже внимательно посмотреть в них, все равно не увидишь зрачков.

На плече матери густая золотистая, как вязка лука, коса. Над головой легкое пышное пламя тонких курчавых волос.

Мать прошла по комнате и заметила на стене портрет отца. Губы ее вздрогнули и поджались.

— Зачем? — спросила она Ваню. — Мы же в чужом доме...

— А пускай, — деланно рассмеялся Ваня. — Тетка ничего не скажет. Она добрая...

Мать подошла к стене, сняла портрет, задумчиво вытерла стекло рукой и подала Ваню.

— Спрячь.

Мать пошла в сенцы, долго гремела там медной непослушной шляпкой рукомыльника.

Ужинали молча. В тишине избы стучали о края мисок деревянные ложки. Тикали часы. Ване было обидно и грустно. Он думал о матери, о портрете отца, который сняла она со стены, о странных порядках, подстерегающих человека в чужом доме.

Ну кому он помешает, этот портрет!

Портрет всегда, всю жизнь, висел перед глазами Ваню. С ним был связан для Ваню близкий, доступный образ отца. Где-то в уголке памяти Ваню засела вкрадчивая надежда: ему казалось, будто отец его жив и в одночасье придет домой.

Разве мало бывает неожиданных случаев? Может быть, отец выбрался из тайги. Долго лежал на поляне, окунал красное с обгоревши-

ми бровями лицо в ручей. Потом поднялся и поковылял по дороге. Попутная машина подобрала путника, отвезла в больницу. Отца вылечили. На лице его остались страшные рубчатые шрамы. Он посмотрел перед уходом из больницы в зеркало и сразу же закрыл глаза. Он не хотел возвращаться домой вот таким изуродованным и остался навсегда в Сибири. Вспоминал мать, Ваню и тихо шептал: «Не поеду, не могу я...»

Но дороги, как бы далеко ни разбегались они по белу свету, все равно приводят человека к родному порогу. Вернется и Ванятин отец. Откроет дверь, поглядит на мать, на Ваню и сразу расцветет.

«Молодцы, — скажет он. — Значит, не ошибся я. Спасибо вам и, пожалуйста, простите. Виноват...»

Ваня подождал, пока мать доест борщ, по-хозяйски собрал миски, бросил туда корки хлеба, ложки и только тогда спросил:

— Приходили на меня жаловаться?

— Ну приходили...

— И ты что — поверила?

— А то я тебя не знаю. Дня без драки прожить не можешь. Такого сраму набралась!

— Так он же первый! Я разве хотел?

— Ну тебя! Так на тебя рассерчала! Думала, приду домой и вздую, чтобы знал... потом уже парторг рассоветовал. Сам, сказал, поговорит. Чего ты сцепился с Сашкой этим?

— Так просто... я ничего, а он...

— Молчи уж лучше! У всех дети как дети. Ты только... Как горох от тебя все отскакивает.

Мать устало провела рукой по лицу, подняла глаза на Ваню.

— Можешь ты хоть раз вникнуть или не можешь? — спросила она.

— Конечно, я всегда...

— Не дерись ты с ребятами. Будь человеком. Обещаешь?

— Так я ж не дрался!

Мать махнула рукой, поднялась из-за стола.

— Что с тобой говорить. Дикий ты человек! Давай лучше спать. Ноги уж не носят.

Ваня разделся и полез под одеяло. Лежал, прислушивался к ночным шорохам и ждал, когда мать снова заговорит с ним, спросит о чем-нибудь или сама расскажет о своей ферме, о том, что сулит им теперь жизнь в Козюркине.

Продолжение следует

ТАМ, ГДЕ НАЧАЛО ТРУБЫ

«...усилить разведку и освоение новых месторождений нефти и природного газа в районах Европейского Севера».

Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы.

— В плите газа нет. Он идет со двора вот по этой трубке.

— А во дворе где он лежит?

— Он не лежит. К нам в город газ идет по трубе.

— Ну, а труба откуда идет?

— Откуда... Оттуда, где газ есть.

Из подслушанного разговора

Вуктыл начался для нас еще на аэродроме в Ухте. У границы пассажирского поля в стороне от взлетной дорожки мы увидели большую круглую площадку, тесно уставленную по краям ящиками, бочками, какими-то строительными конструкциями. На картонных и фанерных табличках было написано одно и то же: «На Вуктыл», «На Вуктыл»...

Не успели мы оглядеться и понять, что к чему, как нас уже три раза спросили:

— Коварского не видели?

— Не проходил тут Коварский?

— Случайно, вы не Коварский?

Нам самим был нужен Коварский. Только он мог распорядиться, чтобы нас взяли на вертолет.

Но вертолетов на площадке не было. Они рано утром ушли на Вуктыл первым рейсом. Вернулись к полудню. И тут же на площадке появился всем необходимый Коварский. Он был сердит и разговаривал хмуро. Ему не нравилось, что прилетело два вертолета.

— Но два же лучше, чем один, — удивились мы. — Больше можно забрать!

— По очереди надо, по очереди. А они — сразу оба, — с досадой сказал Коварский. — Грузчиков мало, будет задержка.

Но грузчики быстро разбились на две группы.

Распахнули в «брюхе» вертолетов огромные створки, и туда, в грузовые отсеки, вместительные, как железнодорожный вагон, покатались бочки, поплыли ящики, поползли, поскрипывая, деревянные оконные блоки. Грузчики отказались от обеденного перерыва. Они спешили — всем хотелось, чтобы вертолеты до наступления ночи успели вернуться и в третий раз уйти на Вуктыл.

На твоих школьных картах ты вряд ли его найдешь. Вуктыл еще молод и в учебные атласы попасть не успел. Но можно найти Печору. На берегу этой широкой красивой реки, в верхнем ее течении и расположен Вуктыл.

Чем знаменит Вуктыл? Отсюда берет начало самый длинный в мире газопровод с поэтическим названием «Сияние Севера». Через леса и болота, через сотни рек и дорог, где — над землей, на специальных опорах, где — в глубинных траншеях, стальная труба длиной почти в две тысячи километров несет газ в сторону Москвы.

Приехать в Вуктыл на автомобиле или на поезде невозможно. Туда нет ни шоссе, ни железной дороги. Когда выпадет снег и мороз закутает в лед болота, от Ухты прокладывают по лесным просекам временную дорогу — «зимник». Надрываясь от напряжения, ползут по зимнику тракторы с тяжело нагруженными санями, огромные могучие грузовики. Надо успеть забросить в Вуктыл как можно больше различных грузов — не только на зиму, но и на весну, на лето, на осень. Везут кирпич и цемент, трубы, муку, консервы, одежду...

В марте зимник кончается. И Печора еще не вскрылась — не идут на Вуктыл ни буксиры, ни теплоходы, ни катера. Остается для связи с «большой землей» единственный путь — по воздуху.

А последние километры мы все же ехали по участку дороги.

Этот участок — своя внутренняя дорога Вуктыла. Она ровная и прямая, будто шоссе Москва—Ленинград. Выехать на этот участок для вуктыльских шоферов — наслаждение. Нога невольно жмет и жмет на педаль газа, спидометр показывает 60—70—80... Шоферам сразу вспоминается, как ездили у себя дома — на Орловщине, в Прибалтике или под Киевом.

Но проложить этот отрезок шоссе было ой как просто. Бревенчатые настилы засыпали песком, утюжили катками и

тракторами и снова клали слой бревен. А Вуктыльское болото ярус за ярусом всасывало их в себя.

Этот участок не только маленький отрезок хорошей дороги среди сплошных Печорских болот, не только искусное инженерное сооружение. Это, пожалуй, своеобразный символ Вуктыла, где любое дело стоит людям вдвое, вчетверо больше труда и сил, чем на многих других стройках страны.

От участка дороги, как ветви от древесного ствола, отходят в стороны дороги похуже: где гравийные насыпи, наскоро залитые асфальтом, где лежневка из толстых бревен. Это подъезды к различным объектам большого и сложного промыслового организма: к складам, к компрессорным станциям, к действующим скважинам.

Действующая скважина... Вот мы и добрались до того места, откуда газ начинает свой дальний путь в наши города и дома. Но что-то нас смущает. Неужели эта невысокая железная этажерка и есть крайняя точка газопровода, к которой мы стремились через тысячи километров? Да тут и людей нет никого! С кем же поговорить?

Нам объяснили: действующая скважина, говоря фронтальным языком, сооружение тыловое. Здесь уже все отлажено, поступление газа контролируют автоматы. Передовая линия промысла — она дальше, передовая — на буровых вышках.

Едем на буровую!

С чем бы сравнить буровую вышку? Можно — с островком в океане. Иногда от нее до ближайшего человеческого обиталища километры непроходимого болота или дикой песчаной степи.

Можно сравнить ее с бивуаком разведчиков. В самом деле, работа на буровой — всегда поиск чего-то невидимого, глубоко скрытого от человеческого глаз, проникновение в глубь земли, упорно оберегающей свои тайны.

Но правильнее всего сравнить буровую с боевым кораблем. Здесь, как на корабле, все свое, все рассчитано на долгую самостоятельную работу. Свои генераторы вырабатывают свою электроэнергию, свои насосы качают воду, своя кухня, словно корабельный камбуз... И бригады, которые живут здесь же, у вышки, заступают на дежурство посменно, точь-в-точь как вахтенные на корабле. Работа идет круглосуточно, не прерываясь ни на минуту...

И словно капитан, руководит коллективом скважины человек самый опытный, самый знающий — буровой мастер.

Говоря попросту, задача буровиков — опустить в землю стальную трубу. Она должна дойти до нефтеносного или газоносного слоя, чтобы по ней горячее могло поступать наружу. Опустить трубу. Легко сказать! До слоя нефти или газового «кармана» может быть несколько километров глины, гранита, известняка. Их нужно пробить, просверлить, прогрызть. А породу, раздробленную в глубине скважины, как-то извлечь на поверхность.

Мы ходим по буровой. Только что заступила очередная смена. Бурильщик Михаил Кузьмич Чайкин, внимательно следя за приборами, то прибавляет, то убавляет давление на буровую колонну. Поблескивают на барабане витки каната, труба мелкими едва заметными толчками, подрагивая, уходит в глубь скважины...

В лаборатории буровой вышки несет вахту Галина Матусевич, коллектор. Ее обязанность — следить за глинистым раствором. В растворе в очень точной пропорции должны быть смешаны глины разных пород, а также нефть, графит и некоторые другие добавки. От качества глинистого раствора зависит промывка скважины (то есть вынос на поверхность всей раздробленной турбобуром породы), а значит, скорость и точность бурения.

Буровой мастер Михаил Григорьевич Зимин объясняет:

— Сейчас вуктыльский газ добывают с глубины примерно трех километров. Геологи считают, что этого газа хватит лет на десять. А потом? Ученые отвечают: надо бурить глубже. Они предвидят, что на глубине пяти—шести километров горячего газа больше.

И вот ранней весной наша бригада получила задание пробиться на глубину в пять с половиной километров. Скважин такого типа в стране еще совсем мало. А на вуктыльском промысле эта — первая.

При таком бурении нужна особенно высокая точность работы. Труба должна идти, не отклоняясь от вертикали. Если в начале пути инструмент уйдет в сторону хотя бы на сантиметр, представляете, насколько вырастет отклонение

на глубине два — три километра? А до заданной отметки бур, пожалуй, и вовсе не доберется — труба сломается от искривления. Вот и приходится бурить медленнее, чаще проводить каротаж...

Что, непонятное слово?

Каротажники — это люди, которые специальными приборами проверяют, правильно ли идет скважина, нет ли отклонений от вертикали. Если обнаружится брак, они приходят на помощь. Большое и сложное искусство — исправить скважину.

Стальной турбобур трудился под нами на глубине пятисот двадцати метров. Он шел ровно, не отклоняясь, и пока мы знакомились с вышкой, проник в глубь земли еще на сорок сантиметров.

На самый конец трубы навинчивают буровой наконечник.

Наконечники делают из самых твердых сплавов. Бывают даже алмазные.

Наконечник вращается и «прогрызает» породу. Врезаться его представляют разными способами. Самый простой — когда специальный станок вращает целиком всю трубу. Но если скважина слишком глубокая, труба часто рвется, лопается или сворачивается в штопор.

Есть другой способ. Его придумали советские инженеры. Вниз по трубе под огромным давлением накачивают глинистый раствор. На конце трубы раствор вращает маленькую турбину. А к ней привинчен буровой наконечник. Это устройство называется турбобур. Нашу — 39-ю — бурят именно таким способом.

Каким бы твердым ни был буровой наконечник, все равно он стирается через каждые пятнадцать — двадцать метров проходки. И его заменяют. Для этого всю длинную стальную трубу, как бы глубоко она ни ушла, вытаскивают на поверхность. Ее тянут укрепленные в своде вышки мощные подъемные блоки. Вытащат секцию длиной метров двадцать (бурильщики называют ее «свеча») и отвинтят. Сменяют наконечники, — всю колонну, свеча за свечой, опускают обратно.

А. Семенов

Рисунки В. Прошкина

ИЛЬЯ ФОНЯКОВ

Трудно рассказывать о том, как рождаются стихи. Могу, пожалуй, поведать лишь о том, при каких обстоятельствах «сложилось» одно из моих стихотворений.

Дело было в театре.

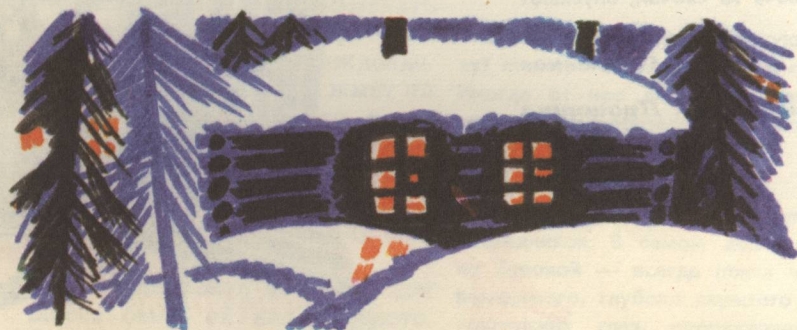
Я теперь уже не помню, как назывался тот спектакль, кто был автором пьесы. Помню, что речь шла о ребятах, воспитывающихся в детском доме. И была какая-то реплика, вызвавшая «цепную реакцию» воспоминаний: война, эвакуация, районное село в Западной Сибири, бревенчатая школа, второй класс. Их было несколько человек в нашем классе, одинаково одетых в грубые синие костюмы, вечно голодных и отчаянных ре-

бятишек — детдомовцев. Встретиться с их компанией на пустынной улице не рекомендовалось: могли даже отколотить. Просто так, без причины: от внутренней ожесточенности, детской озлобленности и детской обиды на мир, точнее, на войну, лишившую их семейного тепла и материнской ласки, отсутствия которой далеко не всегда могли восполнить им воспитатели — сами люди нередко ожесточенные и полуголодные. Это я сейчас все так хорошо понимаю. А тогда — просто побаивался своих «детдомовских» одноклассников, пока не открыл в них одной неожиданной «слабости»: все они, как один, страстно любили рисовать. А самый отчаянный хулиган Лешка Пронин (где-то он сейчас?) рисовал лучше всех. Они рисовали все свое свободное время, пока была под рукой бумага, пока огрызок карандаша можно было удерживать в руке, и рисовали всегда одно: войну, а точнее — Победу. Они рисовали взрывающиеся вражеские танки, плавающие самолеты с крестами на фюзеляжах, красную конницу,

мчащуюся на врага под развешенным знаменем в полрисунка. В ту пору война шла на нашей земле, горели наши города и наши села, — но кто посмел бы, даже сейчас, упрекнуть юных художников в «приукрашивании» действительности! А красных знамен они нарисовали столько и рисовали их такими большими и яркими, что красный карандаш всегда кончался раньше других...

Когда мои воспоминания (между тем как спектакль шел своим чередом и я даже чему-то хлопал) добрались до этой детали, я понял: уже есть стихи, их остается только написать. И тут же, на программке, начал набрасывать. Дальнейшее я объяснить не могу: почему именно этот ритм, именно эти слова? Не знаю. Знаю только, что в памяти каждого поэта есть бесчисленное множество таких «ненаписанных» стихов, о которых мы до поры даже и не подозреваем, и этот «золотой запас» куда богаче и важнее, чем тот, который мы время от времени получаем в творческих командировках.

Илья Фоняков

Рисунки Ю. Бочкарева

* * *

Ребята из детдома
Отчаянные были.
Ребята из детдома
Всех, без разбора, били.

На все дворы в округе
Смятение наводили.
Учительниц до плача,
До крика доводили.

У робких малолеток
Тетрадки вырывали.
Лепешки из картошки
С толкучки воровали.

Ребята из детдома
Зорили в эти годы
Отнюдь не птичьи гнезда —
Все больше огороды.

Все больше огороды,
Где ввысь ботва взвивалась,
Где тощая морковка
Спиралькой извивалась...

Ребята из детдома,
От холода чихая,
Под партой на уроках
Читали про Чапая.

Слезливых компромиссов
Ни в чем не признавали.
О, как они фашистов
Жестоко рисовали!

О, как взлетало знамя,
Как пламенело знамя
Над русскими полками!
Над славными полками!

Оно громадней было,
Красней, наверно, было,
Чем в самом деле было...
И это — правдой было!

У них, над рисованьем
Недели коротавших,
Всегда короче прочих
Был красный карандаш.

И, как в бою патронов,
Как нежности и ласки,
Всегда им не хватало
Запасов красной краски!

Ребята из детдома
В Сибири вырастали,
Учителями стали
И докторами стали.

Профессорами стали
И слесарями стали —
Художниками только,
По-моему, не стали.

Но если об искусстве
Я думать начинаю, —
Ребята из детдома,
Вас — первых вспоминаю!

НОВЕЛЛЫ О МОЕМ ДЕТСТВЕ

Олег Шестинский

Гравюры А. Ушина

УЧИТЕЛЬ МАТЕМАТИКИ

Труднее всего в пятом классе мне давалась арифметика. Я мучился с задачками. Отец мой, инженер, решал их с помощью «х» и «у», но этого я еще не проходил в школе и должен был решать арифметическим способом. Каверзные были задачки.

Когда утром с нерешенной задачей я шел в школу, у меня сосало под ложечкой. Учитель математики, Владимир Александрович, обладал свойством угадывать, у кого не сделано домашнее задание. Он несколько минут после звонка молча разглядывал класс, прохаживаясь между рядами — седой, невысокий, в черном неизменном костюме и в неизменном бабочкой галстуке. Наконец, довольно потирая руки, говорил:

— Ну-с, молодой человек, посмотрим, сколь сильна в вас математическая жилка... Будьте любезны к доске.

От его вежливости леденело в груди.

— Опять не сделали, — сокрушенно качал он головой, и его лицо выражало мировую скорбь. Я его просто жалел в такие минуты. Разумеется, жалость я испытывал, когда дело не касалось меня. Когда я сам стоял у доски, я испытывал чувство настоящей ненависти к нему: «Мучитель, — думал я, — ну, ставь двойку — и отпусти...» Но Владимир Александрович продолжал качать головой и спрашивал:

— Как жить дальше будем?

Однажды я набрался смелости:

— Жить будем по-прежнему.

Он строго посмотрел на меня.

— Вы неглупый молодой человек, а изволите высказывать глупости. Вот так. Садитесь. — Но двойку мне в тот день не поставил.

В сорок первом году школа перестала работать.

Владимир Александрович жил через дом от нас, и я его встречал время от времени. Он ходил все так же подтянуто и так же, как будто мы в классе, спрашивал, увидев меня:

— Ну-с, молодой человек, как самочувствие?

Что я мог ответить, — ведь он сам понимал, какое может быть самочувствие.

— Голод — не тетка, — ответил я ему при встрече на его вопрос.

Он поехился, и я заметил, что Владимир Александрович очень постарел: морщины прорезали желтые щечки, глаза выцвели. Он странно улыбнулся:

— А помнишь, ты мне на уроке сказал: «Жить будем по-прежнему?» Вот и держись.

Дворничиха пожаловалась маме:

— Если б не рабочая карточка, ушла б отсюда. Каждый день покойников вывозить. Сегодня еще поздороваюсь, а уж точно знаю, что завтра везти на саночках. Учителя из двадцать третьего сейчас встретила, поглядела, а сама, грешная, думаю — тебя, щупленького, мне не тяжело будет выволакивать.

— Это какого же учителя? — спросила мама.

— Да сына вашего учителя. Одинокий он. Еле хлеб отоварить смог вчера.

— Твой Владимир Александрович умирает, — сказала мне вечером мама.

— Да?

А что еще я мог сказать?

Мы жили, сами не зная, каким будет завтра. Варили из скудных пайков жидкий суп, сначала вычерпывали жидкость, а потом ели то, что осталось на дне тарелки. Делали иллюзию двух блюд.

— Едва до булочной добрел, — снова сказала мать.

Мама его немножко знала. Его фамилия была Мичурин. И он приходился дальним родственником артистке Мичуриной-Самойловой. И мама моя, театралка, иногда беседовала с ним о пьесах и актерах.

— Сходи-ка ты к Владимиру Александровичу, скажи, если хочет, пусть отдаст нам свою карточку и будет у нас с ним общий котел. Что мы едим, то и он, — норма одна. А ему не хлопотно.

Почему так решила мама, я до сих пор не понимаю, а впрочем, мне и не надо понимать, — главное, что она так решила.

Я отправился к Владимиру Александровичу. Старик сидел перед раскаленной буржуйкой и совал в распахнутую дверку обломки венского стула. Он безразлично взглянул на меня.

— Ты?

Я, путаясь и сбиваясь, кое-как объяснил ему суть маминого предложения. На лице учителя отразились разные чувства: каждый день есть домашний суп (норма да общий приварок), но как так — взять и отдать карточки в руки подростка?

— Я подумаю, — сказал он.

— Тогда приходите сами к маме, — обиделся я.

Учитель заторопился:

— Нет, нет, ты меня не так понял. Возьми. Я очень уважаю вашу семью, очень...

Он достал старчески дрожащими руками из футляра очков карточки и протянул их мне. Глаза его напряженно следили за тем, как я прятал карточки в карман пальто.

— Проверь карман, не дырявый ли? — с тревогой сказал Владимир Александрович.

— Не дырявый, а еще сверху клапан, — успокоил я.

Он проводил меня до лестницы, и, когда я с улицы посмотрел на его окно, я увидел прижатое к стеклу лицо учителя, седые всклокоченные волосы, страдальческий изгиб рта и почувствовал, в какой тревоге за свое неясное будущее пребывает он сейчас. Я помахал ему рукой, и он тоже судорожно замахал мне, словно желал этим жестом сказать что-то важное.

На следующий день мама налила в маленькую кастрюльку суп, обернула кастрюльку платком, чтобы суп не застыл на морозе, и я понес кастрюлю учителю.

Я сразу заметил, что он сидел у окна. Учитель закивал мне, и я прибавил шагу. Я еще поднимался по лестнице, когда наверху открылась дверь, и, свесившись с лестничных перил, учитель сказал необычно и возбужденно:

— Сегодня потеплело. Зима сдает.

— Вроде бы, — ответил я, хотя, конечно, ни черта не потеплело, у меня нос успел замерзнуть, пока я шел от дома к дому.

Он был светский человек, мой учитель, и пытался встретить меня непринужденно.

Я размотал платок и достал кастрюльку. Он снял крышку, запах горячего супа опьянил учителя.

— Подожди, — попросил он.

Он взял со стола ложку и стал есть, старательно перемешивая, обжигаясь, щурясь, причмокивая и не обращая никакого внимания на меня.

Когда он все съел, он, как ребенок, облизал ложку, встал и сказал торжественно:

— Спасибо. Передай матери, что я целую ее руки, — его седая голова склонилась в безупречном поклоне.

Я стал носить ему суп каждый день. Однажды он меня спросил:

— Ну, а как математика?
 Я удивился:
 — Так ведь школа не работает.
 — Да. Ну, а ты хоть вспоминаешь математику?
 — Нет, — честно признался я.
 — Ну, что ж, — он едва улыбнулся уголками рта, — наверное, все же математика не самое главное на земле. Есть другое...
 — Ведь не каждый должен быть великим математиком, — подхватил я.
 — Не каждый, — задумался он, — главное, быть человеком... А хочешь, я займусь с тобой математикой дома?

Это был неожиданный вопрос. На секунду перед моими глазами пролетели все задачки с резервуарами и бассейнами, дрожь пробила меня, но я видел перед собой такое открытое и дружеское лицо учителя, что смог только прошептать:

— Хочу...
 Мама сказала:
 — Это очень хорошо. По крайней мере, тебе легче будет наверстывать.
 Теперь вместе с кастрюлькой я носил завернутые в

газету учебник и тетрадку, и учитель после каждого урока, огорченный моим тугодумием, утешал меня:

— У тебя светлая голова, просто тебе не хватает немножко фантазии. Ну представь: из резервуара вытекает... — и мы снова садились и еще полчаса моей жизни были отданы великой науке.

Весной за учителем приехал сын его, артиллерийский капитан, чтобы эвакуировать его через Ладогу.

Учитель пришел к нам домой, попрощался со всеми, а меня поцеловал и протянул в подарок книгу в красном переплете с золотым тиснением. «Герой нашего времени» — прочел я и открыл ее наугад: «Расставшись с Максимом Максимычем, я живо проскакал Терекское и Дарьяльское ущелия...»

Я уже не отрывался от книги. Среди блокадной жестокости, среди людской гибели и борьбы я часто, примостившись у буржуйки перелистывал книгу, перечитывал полюбившиеся мне отрывки. Что-то новое и прекрасное, так не похожее на окружающее, входило в мою жизнь.

Владимира Александровича я больше никогда не встречал, но мне до сих пор порой бывает грустно оттого, что я приносил ему огорчения своими слабыми успехами по арифметике.

БАБУШКА И КВАРТАЛЬНЫЙ СИДОРКИН

Наш квартальный Дмитрий Сидоркин был человек решительный. Это чувствовалось даже по его походке. Когда он делал обход квартала, на каменных плитах его сапоги выбивали маршевую музыку: «Я иду... Я иду... Я иду...» Он был невысокого роста, коренастый, стремительный. Казалось, он хочет обогнать самого себя.

С начала войны работы у него прибавилось: и за светомаскировкой следил, и за тем, чтобы все укрывались в бомбоубежище; и за домоуправами приглядывал, чтобы на высоте были. Кроме того, время от времени он проводил проверку паспортного режима.

С осени у нас поселилась бабушка. Когда дядю Степу призвали в армию, она осталась одна и переехала к нам. Ей было за семьдесят, она была женщиной умной и доброй. Седые волосы ее поределели, но торчащий на лбу хохолок чем-то неувлимо делал ее похожей на Суворова.

Однажды в первом часу ночи раздался резкий стук в дверь. Мама накинула халат и пошла открывать. На пороге стоял квартальный Сидоркин. Он хорошо знал маму, даже как-то мама (она была врачом) ходила к нему — у тещи Сидоркина произошел сердечный приступ. Мама оказала ей первую помощь, и Сидоркин потом проводил маму до самого нашего дома и, прощаясь, отдал ей честь.

Но сейчас Сидоркин стоял на пороге в шинели, застегнутой на все пуговицы, олицетворяя собой полную неприступность и отрешенность от частных отношений.

— Проверка паспортного режима, — глухо произнес он.

Мама пропустила Сидоркина в квартиру и поспешно ла заверить его:

— У нас все свои...

Сидоркин шагнул в комнату.

Бабушка проснулась, приподнялась на локте и смотрела на квартального.

— Откуда гражданка? — сурово спросил Сидоркин.

— Это наша бабушка, моя мать, — пролепетала мама.

— Чья «наша»? — уточнил Сидоркин.

— Его, — мама указала на меня.

— Так, значит, не «наша», а «его». А во-вторых, гражданка в списке жильцов не значится... Собирайтесь... Там разберемся...

— Я невоеннообязанная, — вставила бабушка, пригладивая суворовский хохолок.

— Это мне неясно, — возразил Сидоркин.

— Да разве в моем возрасте могут в армию зачислить?

— Кто как выйдет, — уклонился от прямого ответа Сидоркин, — ночуете здесь, а прописаны на Васильевском. По законам военного времени — ЧП.

— Оставьте ее, Дмитрий Иванович, — попросила мама, — она старая.

— Я — старая? — возмутилась бабушка. — А кто четвертого дня зажигалку погасил?

— Вот видите, — с удовлетворением произнес Сидоркин, — вполне дееспособная. Вам надо справку заиметь, что гражданка действительно ваша мать, на вашем иждивении... А как докажешь, что она ваша мать?

— А глаза! Да у нас глаза совсем одинаковые! — удивилась бабушка непониманию Сидоркина.

— Глаза — не доказательство. Вот у меня тоже такие глаза. Может, я ваш сын? — отпарировал Сидоркин. Глаза у Сидоркина были действительно такого же цвета, как у бабушки.

— Вы что, меня за шпиона принимаете? — вконец рассердилась бабушка. — Я в 1905 году листовки в театре с галерки разбрасывала, а на руках у меня вот она была, — бабушка протянула руку к маме.

Сидоркин задумался. Революционное прошлое бабушки произвело на него впечатление.

— А муж мой задал японцам перца... — наступала бабушка.

— С японцами на сегодняшний день у нас нейтралитет, — уточнил Сидоркин.

— Так это было давно... А потом муж участвовал в стачке бакинских нефтяников... А еще мой муж на Балтике комиссарил...

Сидоркин думал. Взгляд его перешел на фамильную фотографию, висящую на стене, где выделялся щуплый красноармеец с огромным красным бантом на шинели. Это был дядя Гриша, бабушкин сын, но Сидоркин не спрашивал, кто красноармеец, и взгляд у него по-прежнему добрый.

— Ну, хорошо, — медленно произнес он, борясь с

чувством долга, — пишите сейчас объяснительную записку, а завтра, как положено...

Мама написала: «Заявляю, что ночующая у меня гражданка такая-то — моя родная мать...»

— Можете оставаться до утра, — разрешил бабушке Сидоркин.

— Спасибо, братишка! — по-молодому воскликнула бабушка, совсем как ее покойный муж, балтийский комиссар.

И Сидоркин посмотрел на бабушку с уважением, смекнув, что бабушка и впрямь когда-то была причастна к жизни революционной России.

БАЗАРНЫЙ ДЕНЬ

В мае сорок второго на всех свободных городских землях — в парках, садах, скверах — были посажены капуста, турнепс, морковь, картошка... Осенью темно-зеленая налитая ботва возвестила, что время собирать урожай.

Город выглядел необычайно: потянулись по улицам тележки, груженные мешками с овощами. Вырывали из земли картошку, шелушащуюся, с налипшей по бокам глиной, и страх перед голодной зимой отступал.

Наш огород находился на большом пустыре возле Охтинского кладбища. Я тащил с огорода холщовый мешок до трамвайной остановки, грузил на площадку трамвая и ехал по городу на Петроградскую, придерживая на поворотах мешок. По пути с такими же мешками подсаживались огородники и начинался бесконечный разговор, что у кого уродилось и где земли лучше. И, конечно, звучало: «А вот у соседа Ивана Иваныча такая морковь выросла, что...» И пассажиры удивленно качали головами. На какие-то недели город приобрел чуть ли не сельский колорит, потому что жители шли и ехали с заступами, лопатами, граблями, тачками, ведрами...

Что-то неуловимо доброе рождалось в те дни — людей уже сближало не только блокадное горе, смерти родственников, но и общая радость оттого, что теперь черта с два возьмет косяк.

У нас дома солили капусту. Бережно брали каждый кочешок, темные листья — хряпу — не выбрасывали, а складывали отдельно. Когда две бочки и большие кастрюли наполнились засоленной капустой, мама с бабушкой передохнули и развели руками. Посуда для засолки вся была занята, а на полу еще лежала груда «хряпы».

— Что будем делать? — растерянно спросила мама.

— Продадим, — ответила моя практичная бабушка.

...Снова я волочу мешок с хряпой. На рынке весело: прилавки завалены овощами, продавцы — горожане, интеллигентные, в очках, кидают на весы гири, отсчитывают сдачи. Деньги нужны — на них можно купить тут же что-то съестное из-под полы. Громоздятся пышные подушки капустных листьев; похожий на кроличью мордочку беловатый турнепс; налитые розовым соком морковины...

Нам с бабушкой выдают весы, и мы становимся за деревянный прилавок. Я поглядываю по сторонам и жду первого покупателя. Самые сочные и могучие листья я разложил так, чтобы они бросались в глаза покупателям.

И вот — старушка с плетеной корзинкой:

— Почему?

— Отвечаю.

— Три кило.

Я отвечаю, бабушка принимает деньги, а старушка уже скользит вдоль прилавка дальше.

Капуста у нас пользовалась спросом: женщины в платках и шалях довоенного фасона подходили, приценивались, брали. Я приобрел некоторую сноровку, бросал гири на звенящие чашечки и бодро восклицал:

— Сколько?

Я сам себе казался молодцом. И мне казалось, что все на меня смотрят как на молодца.

И вдруг...

— Что-то не дотягивает, — проскрипела покупательница.

Я вспыхнул.

— Где не дотягивает? С походом кладем, — вступилась бабушка.

— Знаем мы таких с походом!

Я огляделся, ища сочувствия, но на меня смотрели отчужденно.

«Разве они не понимают, что я занят важным делом? — думал я. — Что я помогаю семье, что я хоть и маленький еще, а уже работник в доме...»

Ощущение праздника исчезло.

Я увидел спешащего через рыночную площадку Ваську. Чувство гордости за свою работу ожило во мне: «Пусть Васька поглядит на меня... Я-то не шатаюсь, я-то деньги зарабатываю...»

— Васька! — крикнул я.

Он увидел меня, подскочил, глаза его округлились.

— Торгуешь? — удивленно спросил Васька.

— Как видишь, — солидно сказал я, — уже мешок продал почти... Ты куда?

Васька выпятил грудь.

— Сидоркин послал в штаб МПВО отнести донесение.

Конечно, Васька нес какую-нибудь незначительную справку, но я все равно расстроился. Сидоркин — наш квартальный — относился ко мне лучше, чем ко всем другим мальчишкам, и — ясно — будь я на месте, послал бы меня, а не этого хвастуна Ваську.

— Ну так спешите, — сказал я, — ведь донесение!

Всем своим строгим видом я показывал Ваське — если бы мне доверили, я бы выполнил с большей ответственностью.

— Торгуй, торгуй, — снисходительно обронил Васька и побежал по рынку.

Я поскутнел, и торговля капустой сделалась для меня чем-то обидным.

— Бабушка... — начал я, но тут на рынке появился квартальный Сидоркин, новый кумир мальчишек, недавно поймавший немецкого ракетчика. Он медленно совершал обход своего участка. Из всех мальчишек он выделял меня. «Ты смекалистый» — похвалил он меня однажды.

Сидоркин шел и все, кто стоял за прилавками, невольно подтягивались, — такое у него было серьезное лицо.

Сидоркин увидел меня. Глаза у него тоже округлились, и он, не прибавляя шага, подошел к нам.

— Частный сектор, — ровным голосом произнес он.

— Да вот излишечки с огорода, — с какой-то суетливой ноткой объяснила бабушка.

— Да... — протянул Сидоркин. — Законом разрешено, — и посмотрел на меня разочарованным взглядом. Сердце мое екнуло: я понял — больше мне уж не быть любимцем Сидоркина.

Сидоркин повернулся и продолжил обход.

Бабушка взглянула на мое вытянувшееся лицо, покачала головой:

— Пошли-ка домой, — и сунула обратно в мешок остатки капустных листьев.

Когда мы выходили из рынка, нас обогнал Васька.

— Ты чего? — обратился я к нему.

— Срочное сообщение Сидоркину! — на ходу бросил он и пустился по улице.

Я с грустью посмотрел ему вслед. Я понимал, что теперь любимцем Сидоркина будет Васька.

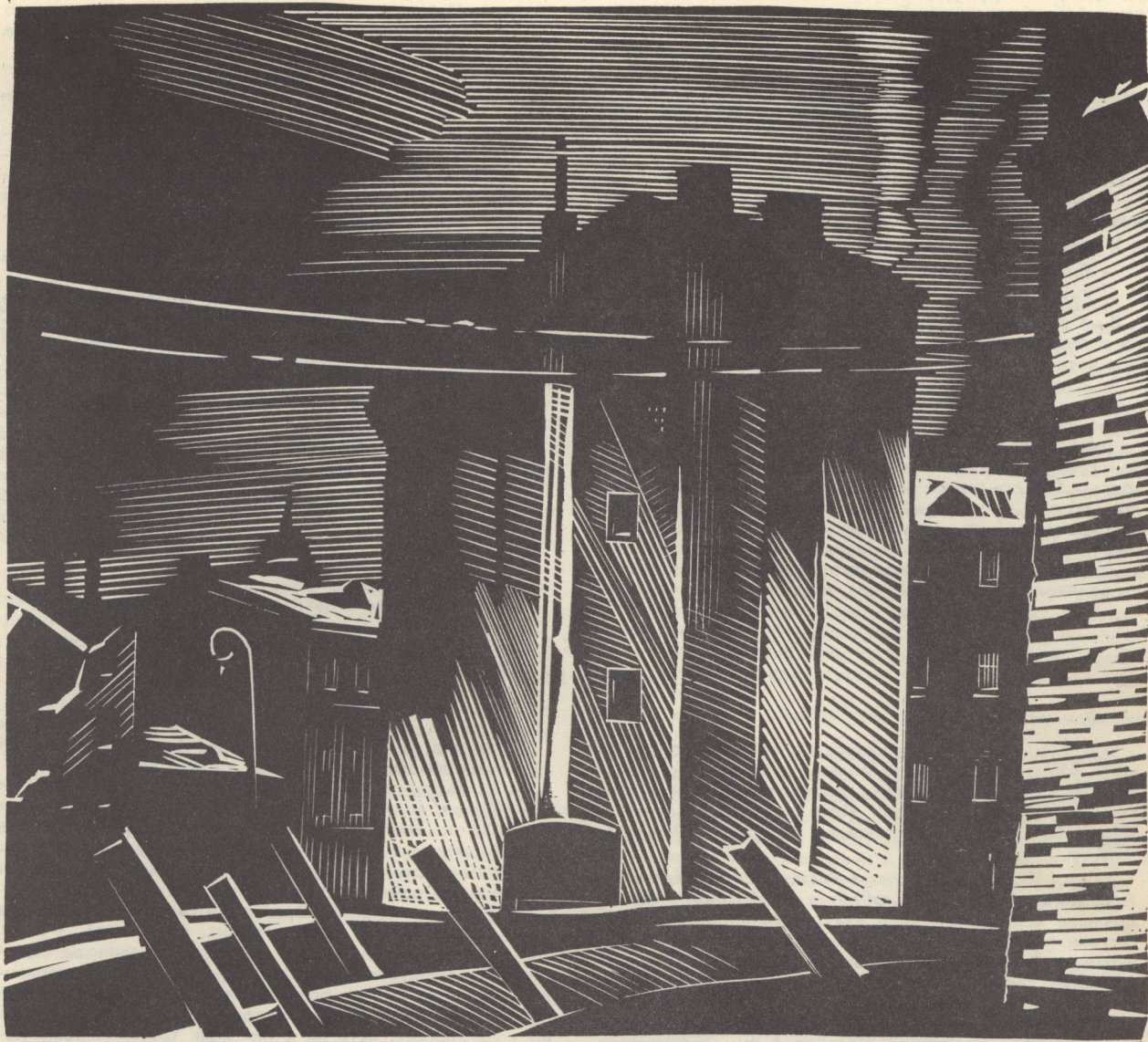
...ОВЕЦ... ОВЕЦ...

До войны я кончил пять классов. И в пятом классе у меня появилась первая симпатия: круглолицая, с черными продолговатыми глазами девочка Ира. Она ни на кого не обращала внимания, а когда мальчишки начинали ее поддразнивать, гордо вскидывала толстой косой, словно отмахивалась от комаров. На меня она, как и на всех, не обращала внимания. Хотя иногда я ловил ее быстрый взгляд, но в тот же миг она чуть краснела и отворачивалась.

Я подчеркивал свое равнодушие к ней, но чем сильнее подчеркивал, тем больше о ней думал. Весной мне купили блестящие галоши на красной байке. Это были очень модные галоши. Таких ни у кого не было. Я надел их и пошел в школу. Мне казалось, что все смотрят только на мои галоши. И правда, их заметили. Мальчишки закричали:

— Эй, ты, в галошах!

И тогда Ира сказала серьезно и спокойно:

— Что вы пристали! У вас ни у кого нет таких га-лош.

После ее похвалы я готов был не расставаться с га-лошами. И есть, и спать в них. Конечно, родители не разрешили мне этого делать, но я выхлопотал право ставить их ночью к себе под кровать, предварительно разостлав на полу газету.

А с Ирой мои отношения после этого случая никак не стали ближе, и я понял, что она это сказала просто из чувства справедливости.

Я никогда не бывал у нее дома. Лишь однажды уви-дел выходящую из подворотни Иру.

— Ты здесь живешь? — спросил я.

— Да, — односложно ответила она и прошла мимо.

С начала войны я вовсе потерял ее из виду. Иногда я вспоминал о ней и мне становилось необыкновенно хорошо на душе.

Чем жесточее становилась блокада, тем уже стано-вился мир вокруг меня, ограниченный пайком хлеба, возвращением мамы с работы, теплом гудящей от ог-ня буржуйки.

И неосознанно появилась в моем мальчишеском соз-нании неудовлетворенность тем, как я живу, тем, что не вижу никого из товарищей. И мне стало казаться, что если я кого-то из них увижу, мы вместе придумаем что-нибудь такое, отчего жить станет проще.

А, конечно, больше всего хотелось увидеть Иру.

...Темным морозным утром я вышел из дома и от-правился к ее дому. Он стоял, серый и немой, с при-липшими крестообразно полосками бумаги на замерз-ших стеклах, и даже дым буржеек не вырывался из

выведенных наружу печных жестяных труб. Где мне ее искать? Кого спрашивать?

Я медленно вошел в гулкую подворотню, на стенах торчал ворсистый белый иней. Во дворе возле санок копошилась женщина, укутанная в какие-то платки и шали. Я подошел к ней, но, оглохшая от укутавшего ее голову тряпья, она не услышала моего вопроса. Я тронул ее за рукав и повторил:

— Вы не знаете квартиру Ирины Ликовой?

Не глядя на меня, она ответила:

— Ликовы? Их квартира у господ бога, — и, обернувшись, спросила: — Что тебе, мальчик?

Я переспросил с замершим сердцем:

— Ликовы где живут?

— Разбомбило их...

Я не стал больше слушать и, опустив голову, безвольно побрел на улицу. Неожиданно женщина крикнула мне вслед:

— А сами-то они уехали, кажется, в Череповец!

Под гулками, словно ожившими сводами слова ее прозвучали как в громкоговорителе: ...овец...овец...

Дома я достал карту и нашел Череповец. Он оказался совсем недалеко от Ленинграда, километров за триста. Он приснился мне в первую же ночь, наверное, потому, что я думал о нем весь день: солнечный, с вырывающимися из дверей булочных паром, с синими птицами на гнувшихся коричневых ветках и с огневостыми павлинами в малахитовой траве. И среди этого великолепия идет девочка, круглолицая и темногла-

зая, идет в моих галошах с блестящими резиновыми языками. И я подумал тогда во сне, что, наверное, все это правда, потому что такая красивая девочка могла уехать только в такой сказочный город.

Через много-много лет мой приятель, художник Владимир Ветрогонский, привез свои гравюры из Череповца: высились трубы металлургического комбината, сталевары в войлочных шапках и защитных очках стояли перед огнедышащим пламенем, прокатные станы прокатывали стальные болванки...

Я разглядывал эти гравюры, и мне было удивительно жалко прощаться с городом моей детской мечты.

Ведь не один раз в жесточайшие метели и голодные ночи ТОЙ зимы я представлял себе город, где так много пшена, что им посыпают садовые дорожки, и где мальчишки берут с собой в школу хлеб, пропитанный ароматным медом.

И мне было легче жить, с этим МОИМ городом.

— Ну, как гравюры? — спросил меня художник.

— Хороши, — медленно отвечал я, — а скажи, пожалуйста, павлины в Череповце есть?

Художник недоуменно посмотрел на меня и недоуменно спросил:

— Ты что, чудак?

И я рассмеялся:

— Знаешь, наверное, я все-таки чудак!

„СУХАРЬ“

Я и мои товарищи по классу не находили с ним общего языка. Он был долговязым, рыжим, кожа молочной белизны густо усыпана веснушками. Руки с крепкими короткими пальцами тоже казались рыжими от множества мелких огненных волосков. Звали его Юрием.

Учился Юрий лучше всех в классе, его ставили в пример, но от этого он не обретал наших симпатий. Раздражала его безупречная аккуратность: брюки всегда отглажены, рыжие волосы точно расчесаны на пробор, курточка без единого пятнышка. В учебниках цветные закладки, как у девочек. И главное — он не давал списывать. Вернее, давал, но делал при этом такое пренебрежительное и высокомерное лицо, что и у самого равнодушного пропадало желание с ним связываться.

После уроков он сразу уходил. Только прозвенит звонок, он уже скачет по ступенькам вниз, болтается на боку полевая потрепанная сумка с учебниками.

Война есть война, но мы жили все-таки как нормальные мальчишки: разъезжали на плотках по озерам ЦПКиО, собирали желтоватый артиллерийский порох, слонялись по вечернему Большому проспекту... А он с нами никуда не ходил. Мы его и звать с собой перестали — «сухарь», что с него возьмешь?

И вдруг наш «сухарь» стал по утрам на первый урок опаздывать, не намного — минут на пять. Влетал в класс взъерошенный, раскрасневшийся. Сначала учительница только удивлялась и ничего не говорила, но на третий раз потребовала объяснений. Он стоял, понурив голову, молчал.

— Ты гордость нашего класса, а дисциплина у тебя хромает. Так не годится.

Но Юрий продолжал опаздывать.

— Мне придется вызвать твою мать, — наконец сказала классная воспитательница.

Можете себе представить наше любопытство: у «сухаря» какие-то свои дела! «Сухарь» опаздывает!

Делая вид, будто ему абсолютно безразлично, Мишка Мамин спросил:

— А чем ты утром занят? Физзарядкой, что ли?

— Ничем, — коротко ответил Юрий и отвернулся.

— Он шов на брюках наглаживает да зубочисткой по зубам наяривает, — заключил Мишка и, дурачась, вскинул руки и продекламировал с пафосом: — Честь класса вовсе вам не дорога!..

— Паяц, — обронил Юрий, и быть драке, если б мы их не растащили.

В школу я ходил обычно с Мишкой Маминым. Заходил по дороге за ним. Однажды мы с ним отправились в школу на час раньше, потому что были дежурными и нам надо было проверить подготовку к урокам во всех классах: есть ли в них мел, тряпки и тому подобное.

Нам было весело, первое апрельское теплое солнце пылало над крышами, снова гукали голуби, — все-таки шла весна сорок четвертого, — и выплескивали клейкие листочки тополя.

Редкие прохожие попадались на улице. Неожиданно свернув за угол, мы услышали равномерное шарканье метлы: шшик — шшик... Мы не поверили своим глазам: в дворничком переднике наш рыжий, наш «сухарь» шел с метлой по тротуару, сметая в кучу мусор. Он шел сосредоточенно, как заправский дворник подхватывал метлой бумагу, окурки, спичечные коробки, и вслед за ним стлался чистый и ровный асфальт.

Мы остановились. Юрий словно почувствовал наши взгляды, обернулся и, ничего не сказав, с ожесточением повел метлой дальше по панели.

— Ты что? — наконец выговорил Мишка.

Рыжий прекратил мести и посмотрел на нас. Он смотрел спокойно и грустно и совсем не собирался задаваться.

— Мать больна, не встает, рабочую карточку надо... Мы смутились. Ни в чем не были виноваты, а все равно как-то неловко стало.

— Может, чем помочь тебе? — небрежно спросил Мишка.

Юрий внимательно посмотрел на нас. И сказал:

— Разве что дрова уложить во дворе. Мне одному не осилить до уроков.

— Давай, конечно! — обрадовались мы.

Мы все трое опаздывали в то утро. Нам с Мишкой

записали в дневники, что мы торвали дежурство по школе, а Юрию сказали, чтобы пришла мать.

...Несколько лет назад в газете среди фотографий физиков — лауреатов Ленинских премий, я увидел знакомое лицо Юрия. Он вроде бы мало изменился, и мне показалось, что я даже различаю крупные веснушки на его лбу и щеках.

ДИМКА

Димка был на два года старше меня. Но он нисколько не выделялся среди моих сверстников и ни на какое главенство не претендовал. Единственный раз мы почувствовали свою зависимость от Димки, когда он раздобыл старинный пистолет «монтекрист» с изящной перламутровой ручкой. Мы с ним ходили на задний двор и стреляли в глухую кирпичную стену. Пульки были почти игрушечные, они щелкали по кирпичу, делая едва заметные отметины. Однако квартальный прознал о нашей забаве и Димку, как зачинщика и владельца пистолета, водил в милицию. Там допытывались, откуда пистолет. Поругав и отобрав перламутровый «монтекрист», Димку отпустили.

— Ну, что там было? — спрашивали мы.

— Да ничего, — равнодушно отвечал Димка, — я сказал, что в хламе нашел... Квартальный пальцем погрозил — а так ничего...

Мы разочарованно замолчали — Димка не выглядел в этой истории героем.

И вдруг наш Димка исчез.

— Уж не случилось ли что? — беспокоились мы на третий день, не встречая его на улице, и зашли к нему домой.

Оказалось, что Димка ушел... в армию. Ну, конечно, не в разведчики или танкисты, а всего лишь в армейскую сапожную мастерскую. Но все равно он был на армейском довольствии, числился рядовым.

Мы поудивлялись его скрытности, а потом занялись своими делами и о Димке вспоминали не часто.

Осенью Димка появился собственной персоной: он шел, браво постукивая каблуками, выпятив грудь, обтянутую солдатской гимнастеркой. На ней сверкала, отражая солнце, медаль «За отвагу».

Димка посмотрел на нас и сказал покровительственно:

— Привет, землячки.

— Здравствуй, — поспешно ответили мы.

— Все растете? — по-взрослому спросил Димка.

В его вопросе сквозило явное пренебрежение к нам, но мы старались его не заметить.

— Ты надолго?

— В отпуск. Видите, — он потрогал медаль, — фашиста пристрелил...

— Да ну! — хором воскликнули мы.

И тут Димка стал прежним Димкой, пропал весь его важный вид. Ему страшно хотелось рассказать о своем подвиге. Он присел на бревно.

— ...Метель жуткая началась, мело три дня подряд... Все траншеи забило. А наши снайперы больше всего такую погоду любят. То есть не самую метель, а как только она кончится. Тогда хочешь не хочешь, а надо окопы от снега очищать. Вот тут и жди, что немец голову высунет. Упросил я сержанта Петрова взять меня с собой. Взял он. Залегли мы. Час ждем, больше... Замерзаю совсем. Уж и винтовку в сторону отложил. И видим: два немца осторожно с лопатами пробираются по брустверу, чтоб скорее в другую часть окопа проскочить. До них метров двести не было. Петров мне шепчет: «Правый мой...» Я в левого как дам — он ткнулся, — лопата в сторону отскочила. Потом меня командир полка лично отметил, сыном полка объявил и медаль вручили...

Отблеск Димкиного подвига падал и на нас, — ведь мы все-таки были товарищами. До самого Димкиного отъезда мы ходили с ним по улицам, и другие мальчишки завидовали нам, потому что у них не было такого своего Димки.

Димка уехал. И больше уже не приезжал на побывку домой.

...Совсем недавно я возвращался после работы домой и неожиданно на углу Большого и Введенской услышал резкие гудки автобуса. Я оглянулся: распахнув дверцу, ко мне тянулся... Димка. Я бросился к нему. Машины выстраивались вслед за его автобусом, шоферы нервничали и выскакивали из своих кабин. А я стоял возле Димкиного автобуса, жал ему руку, улыбался, и мы чего-то говорили друг другу. Засвистел милиционер, подбежал ко мне.

— Ваши документы! Вы нарушаете правила...

Тут я сообразил, что мы с Димкой так ни о чем не договорились.

— Запиши телефон! — закричал я, — 32-7...

— Поезжай! — рявкнул милиционер.

— Запиши! — кричал я.

— Пройдемте в отделение, там разберемся, — сурово сказал милиционер.

Димка уже сворачивал за угол. Вокруг меня стояла толпа любопытных. Какая-то бабка объясняла:

— Прямо в карман — и бежать. А на вид посмотрите — не подумаешь, да и не молодой уже...

Оправдываться было бесполезно, и я пошел с милиционером.

Я шел и думал, когда же мне позвонит Димка.

КОЛЬКА ИЗ САН-ФРАНЦИСКО

Со школами мне не везло. Только начну учиться — или бомба разорвется вблизи, стена треснет, или снаряд угодит в дом. К счастью, это случалось не в учеб-

ное время. Мы приходили утром в школу, отгороженную барьером, поскольку здание находилось в угрожающем состоянии, смотрели снизу на окна нашего

класса с выбитыми стеклами, искореженные, и шли домой. Через несколько дней школу переводили в новое здание. За всю войну раз пять нас переводили.

В новых школах наш класс сливался с другими учениками, но мы быстро находили общий язык: все мы были блокадники с общими интересами, с жизнью, похожей одна на другую.

Однако осенью сорок третьего стали, как первые ласточки, появляться первые эвакуированные, — кое-кто возвращался в род.

...Перед самым началом учебного года к нам в квартиру однажды кто-то постучал. Мама открыла дверь. На пороге стоял высокий худощавый юноша со смелым и, как мне показалось, насмешливым лицом.

— Меня из новой школы послали, надо всем собраться на уборку помещения.

Я понял, что он из новеньких. Он говорил, а я не сводил с него взгляда, завороченно смотрел. Он был в тельняшке с короткими рукавами, и по всей его правой руке вилась вытатуированная змея, толстая и страшная.

— Это откуда у тебя? — не выдержал я.

— А, это, — Колька (так его звали) небрежно щелкнул по черепу змеи, — да в Америке сделали...

Глаза у меня расширились, и сердце застучало.

Коля Валенко только что возвратился в Ленинград и попал в нашу школу. А до этого был юнгой на торговом пароходе на Тихом океане и два раза ходил из Владивостока в Сан-Франциско. Когда кто-нибудь выражал в этом сомнение, он не сердился, а доставал из кармашка завернутую в целлулоид цветную фотографию здорового дяди в не нашей морской форме и показывал надпись:

— Читай, малыш! — снисходительно говорил он. На обороте по-английски было написано: «Русскому моряку Николаю. Твой Джон».

— Ясно? — спрашивал Николай. — Джон мой дружок, кочегар с «Прекрасной Матильды».

Больше всего потрясло, что фотография Джона была цветной.

Колька любил рассказывать об Америке.

— Сан-Франциско — город что надо... Пальмы цветут, негры трудятся, богачи пиво попивают.

— И все у них без карточек? — спросил кто-то.

— Натурально. Я когда хотел, мог хоть банку свиной тушенки съесть.

— Ну, и дают?

— Что дают! — возражал Колька. — Их строй прогнивший. Им только нажиться.

— Это точно, — соглашались мы и спрашивали, — а хлеб тоже свободно продается?

— А хлеб они почти и не едят. Так, ломтик с чем-нибудь. Сэндвич называется.

— Их бы к нам сюда, в блокаду.

— А ни черта они б не выжили. Непривычны, — решительно махал рукой Колька.

О Джоне он много рассказывал. И нам всем казалось, что мы тоже Джона знаем.

— Джон негр, — говорил Колька.

— А почему он на снимке-то розовый?

— Чудак, — улыбнулся Колька, — ведь фотография цветная. Ну, все и окрашено... Мы с ним из одной кружки пиво пили, а один хмырь нас увидел, поморщился и сплюнул: «Как, мол, это с черномазым пьешь...» А я демонстрацию устроил — еще одну кружку с Джоном напополам.

Мы восхищались Колькой. Он вырастал в наших глазах в великого борца за справедливость.

Колька был человеком из другого мира: он видел пальмы, негров, океан, сам вкалывал на палубе... А мы — только обстрелы, смерти, голод... И мы единодушно признали Кольку нашим верховодом.

Если кто-либо из уличной шпаны приставал, мы говорили:

— Кольке скажу!

— Какому Кольке? — заносчиво восклицал тот.

— Кольке из Сан-Франциско!

— Ну, иди, иди, — примирительно отступал обидчик. С Колькой связываться ему не хотелось.

В НАЧАЛЕ СОРОК ПЯТОГО...

В начале сорок пятого мы, шестнадцатилетние допризывники, были вызваны на медицинское освидетельствование и воинскую приписку. Почти весь класс отправился в военкомат.

Там нас заставили раздеться донага, и мы смущенно ходили от врача к врачу, которые обстукивали и выслушивали наши худенькие тела.

А потом, также нагишом, мы подходили к столу, где сидела комиссия: в центре полковник, по обе стороны от него два офицера.

Полковник спрашивал:

— В какой части служить желаете?

Мои товарищи называли артиллерию, флот, связь... Когда дошла моя очередь и я предстал перед офицерами, сердце сумасшедше застучало и я тихо произнес:

— Я — в кавалерию...

Полковник вскинул глаза:

— Куда?

— В кавалерию... — еще тише произнес я, словно стеснясь чего-то.

Полковник придвинул к себе ближе мою индивидуальную карточку, пробежал ее:

— У вас не совсем полноценное зрение. А знаешь, когда эскадроны идут, — пыль до небес...

— Я привыкну, товарищ полковник, — прошептал я.

— Ну, что же, — сказал полковник, обратившись к своим коллегам, — как поступим?

— Нам нужна в донских частях городская прослойка, — сказал один военный.

— Припишем его к донцам, — заключил полковник. Я стоял не шелохнувшись, голый и, видимо, жалкий.

— Идите, — сказал полковник.

— Могу считать себя принятым? — спросил я и пунцово покраснел.

— Можете, — рассмеялись офицеры.

С тех пор до самого конца войны я все ждал, что вот-вот меня вызовут и пошлют в донские казачьи части сначала на выучку, а потом...

И я уже видел себя в развевающейся бурке, с вспененной над головой саблей, видел себя таким, ну почти совсем таким, каким был мальчик-гусар граф Петя Ростов.

ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ ИЗ ТЮМЕНСКОЙ ТЕТРАДИ

Из Тюмени мы вылетели в Березово. Среди бесконечной тайги и разлившихся речных просторов Березово появляется внезапно со всей давней городской обжитостью.

В Березове жил в ссылке опальный Меншиков с дочерью, невестой государя Петра II. Ныне не встретишь следов этой романтической и печальной истории, лишь старожилы упомянут мимоходом, что, якобы, в тридцатые годы рыли яму на берегу Сосьвы и обнаружили плиту с выбитой на ней фамилией — Меншиков. А где сия плита — неизвестно.

Мы — писатели Москвы, Ленинграда, Челябинска, Кургана — были гостями газовиков. После нашего первого литературного выступления, где поэты читали стихи и рассказывали о своих городах, ко мне подошел высокий, с моложавым обветренным лицом человек лет пятидесяти и сказал просто:

— Ляпин Василий Трофимович, заместитель начальника ОРСа.

— Очень приятно.

— Мне бы поговорить с вами...

Нам предстояла экскурсия, и разговор не состоялся.

Вечером Ляпин пришел на ужин, который устроили для нас.

Мы оказались с ним за столом рядом, и он проявлял ко мне усиленное внимание, предлагая то одно блюдо, то другое — мне в конце концов даже неловко стало. Мои товарищи заметили.

— Ты отмечен любовью торговых работников, — сообщил Виктор Боков.

Василий Трофимович улыбнулся и сказал загадочно: — Это точно. Особые причины... Подождем немно- го — да и исчезнем, — заговорщицки шепнул он мне.

Я согласился, заинтригованный его словами.

Через некоторое время мы прошли в пустую гости- ничную комнату отдыха.

— Вы с Петроградской?

За тысячи километров от дома вопрос этот был не- обычным, и я недоуменно спросил:

— А что?

— Вы читали стихи о блокаде, о том, что жили на Петроградской...

— Да, я оттуда...

Глаза у моего собеседника оживились.

— Знаете, Березовский район обширностью в целое государство. И на весь район я единственный солдат, который блокаду провел на Ленинградском фронте. Сколько вам тогда было?

— Двенадцать.

— А мне двадцать два.

Василий Трофимович был молодым ефрейтором пе- хоты, а я лишь пятиклассник, но мы сразу ощутили поч- ти родственную близость меж собой.

— А знаешь, — мы перешли на «ты», — почему я о Петроградской вспомнил? Послали меня однажды в го- род по какому-то делу, зимой сорок первого. Иду по Тучкову мосту с Васильевского, вижу: у поручней люди толпятся с саночками, воду черпают, ставят ведра на санки и тащат... Тут я мальчонку приметил: ведра у не- го веревкой закручены, а саночки из планок, детские, вода выплескивается, стынет, елозят жестяные ведра, того и гляди опрокинутся. А мальчонка доходной такой, ушанка тесьмой завязана, один нос торчит да глаза

темные из-под меховой опушки глядят. «Давай помо- гу», — сказал я. Он отдал мне веревку, сам рядом по- шел, ссутулившись, как старичок. «Куда тебе?» — «До Пионерской...» — «С кем живешь-то?» — «Из дому ухо- дил — тетка жила». — «Значит, с теткой?» — «Не знаю. Слаба она. Помереть вот-вот должна». И говорит он с такой обыденностью, что мне даже страшно стало. Чем ему помочь я мог? У меня ни хлеба, ничего другого съестного. Полпачки махры хранил. Отдал ему. Он по- смотрел на меня внимательно, словно запомнить хотел, «спасибо» сказал и свернул в подворотню... Я в часть вернулся, солдаты говорят: «Мы тебе, Вася, суп в ват- ник укутали, чтоб не остыл...» А мне, поверишь ли, — кусок хлеба поначалу в горле комком...

Я молчал. Ведь по той самой дороге ходил и я с са- ночками за водой и также елозили у меня ведра, так- же расплескивалась у меня вода. Только никогда ни- какой солдат не встретился мне.

Все три дня, которые я провел в Березове, мы с Ва- силием Трофимовичем не расставались: вместе ездили по Сосьве в мансийскую деревню; вместе облазили места, где создавался первый газопровод; вместе шли на литературные вечера... И он, коренной сибиряк, го- ворил знакомым, указывая на меня:

— Вот случай-то — земляка нашел, вместе блокад- ничали... — и голос его звучал удивленно и чуть сму- щенно.

— Да какой он тебе земляк, — сказал кто-то, — ты сосвинский, а он — ух откуда!

Василий Трофимович нахмурился и убежденно возра- зил:

— Земляк! Чего ты понимаешь? Все, кто там держа- лись, земляки меж собой.

Когда мы расставались, он отозвал меня в сторону, торопливо расстегнул кармашек френча, вынул обер- нутое в бумагу потрепанное снайперское удостове- рение.

— Снайперил я... Видите, на моем счету сколько их... Я смотрел на пожелтевший листок: в графе «количе- ство истребленных фашистов» стояла цифра 100.

Владимир Орлов

ПОД УТРО

Вечер тихий
И морозный.
Только снега
Нет и нет!
За окном —
Включили звезды,
В доме —
Выключили свет.

Из-за леса
Туча вышла.
Дом притих
И замолчал.
Ночью кто-то
Еле слышно
В окна лапками
Стучал.

А под утро,
В серебристой,
В белоснежной
Тишине
Кто-то чистый
И пушистый
На моем лежал
Окне.

СССР... Эти буквы можно увидеть на гигантских фюзеляжах воздушных лайнеров, на турбинах и железнодорожных вагонах.

Буквы, знакомые каждому школьнику, — название нашей Родины: Союз Советских Социалистических Республик.

В декабре 1972 года исполняется пятьдесят лет со дня образования этого Союза.

Если заглянуть в словарь, то можно узнать, что слово «союз» означает — единение... Полвека живут в единении наши народы.

Они говорят на разных языках, поют разные песни, имеют разный цвет кожи и разные обычаи. Но это не мешает им жить единой семьей.

Нам захотелось сравнить: как выглядел, к примеру, представитель чувашского народа лет шестьдесят назад, еще до революции, — и как выглядит представитель советской Чувашии.

За помощью обратились к известному собирателю открыток Николаю Спиридоновичу Тагрину.

Чувашская АССР расположена на востоке Русской равнины, большей частью на правом берегу среднего течения Волги.

По площади не велика — всего 18,3 тысячи квадратных километров.

Столица республики — город Чебоксары.

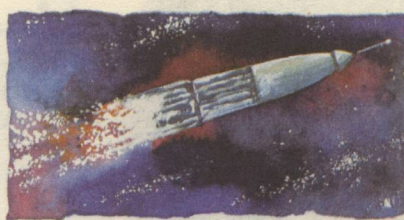
Впервые в исторической литературе название «чуваш» («суваз») упоминается у арабского путешественника и писателя X века нашей эры — Ахмеда ибн-Фадлана, побывавшего на берегах Волги в 922 году.

— Отыщите, пожалуйста, в своей коллекции, среди сотен тысяч открыток, две: портрет чуваша, каким его представляли зрителю до революции, и портрет чуваша — нашего современника...

Тагрин нашел такие открытки. Взгляните.

У бревенчатой стены — чу-

вашская женщина. На ней, конечно, парадный наряд: фар-тук ситцевый, платье из сати-на. Бляшки медные, прочие украшения.

Так чувашки одевались только по большим праздни-кам.

Не удивительно, что фото-граф нарядил женщину по-парадному. Открытка изда-валась в Швеции, в Стокголь-ме, каким-то давно забытым акционерным обществом, и смысл ее был таков: смотрите, как красиво живут чувашки, как нарядно они одеты...

Не сказано на открытке, о чем думала эта женщина. Мо-жет, вспоминала сыновей, что ушли бурлачить или валить лес...

А вот вторая открытка. Из той же коллекции. Даже если больше ничего и не говорить, этого человека узнает каждый.

Андрей Григорьевич Нико-лаев, генерал-майор, летчик-космонавт СССР, дважды Ге-рой Советского Союза, депутат Верховного Совета СССР, уро-женец чувашского села.

Кто знает, может быть, он земляк той женщины, которую сфотографировали на открытке много лет назад?

На космическом скафандре Николаева тоже были знако-мые вам с детства буквы: «СССР» — название большой и дружной страны, СОЮЗА братских республик.

О ДВУХ МАСТЕРАХ

Я родился в селе, и первый город, в котором довелось мне жить, — это Черновцы.

Черновцы — столица Буковины, а Буковина — одна из областей Западной Украины. В Черновцах есть университет, медицинский институт, несколько техникумов и среди прочих учебных заведений — профтехшкола трикотажников.

Эту профтехшколу я и окончил двадцать лет назад.

Невысокого роста, кудрявый, черноглазый, с офицерской выправкой — на войне он был майором — Даниил Ильич предстал перед нами как олицетворение строгости и неукоснительной дисциплины.

— Перед вами, — сказал Даниил Ильич, указывая на какие-то непонятные механизмы, — ваше будущее. В течение трех лет вы будете разбирать, собирать, изучать, ломать и ремонтировать эти замечательные машины — круглочулочные автоматы. Я знаю их наизубок, и вы не выйдете из этих стен, пока не будете знать их в точности так, как я. А теперь познакомимся с ними.

Круглочулочная машина — небольшая, элегантная, она стоит на четырех ножках и вяжет по десять чулок в час. Здесь, в учебной мастерской, машины не работали, молчали. Они как бы давали полюбоваться собой нашим неопытным «селянским» глазам.

А на следующий день мы поднялись сюда же, на второй этаж, — и автоматов, которые мы видели накануне, не было. Ни одного.

Конечно, машины не испарились, но мы их не сразу заметили, потому что все они, оказалось, разобраны на мельчайшие детали, а детали кучками лежат на полу.

Очевидно, сказал кто-то, будем изучать устройство. Другой возразил: для изучения устройства достаточно разобрать одну машину, а не все. На него шикнули: много ты знаешь!

Появился Даниил Ильич.

— Так вот, — сказал он спокойным и приветливым голосом, — сейчас вы станете каждый против одной из куч и с божьей помощью соберете из этих железяк круглочулочные ав-

томаты. Желательно, чтобы они были похожи на те автоматы, которые вы имели счастье вчера наблюдать.

Мы растерялись. Как это — собрать машину, о которой понятия не имеешь? Многие из нас никогда в жизни отвертки в руках не держали. Это же самый сложный механизм, да тут деталей, наверно, не меньше тысячи!

— Чего испугались? — крикнул кто-то из ребят. — Мы будем собирать за Даниилом Ильичом! Он будет одну машину собирать, а мы за ним каждый свою! Так?

Но Даниил Ильич улыбался.

— Нет, не так, — сказал он. — Вы соберете автоматы сами. Ни на один вопрос отвечать не буду. Зато друг другу помогать и советовать можете сколько угодно. И еще одно: время на сборку неограниченное. Не успеете сегодня, продолжите завтра, послезавтра и так далее. Прошу приступить.

Даниил Ильич сел за стол, достал какие-то бумаги из ящика, занялся делами.

Четыре дня мы собирали машины. Потели, мучались, начинали сначала. Мы не знали наименования ни одной детали — все у нас называлось «штукациями», «ерундовинами», «чертовинами». Выражались мы примерно так: «Ну-ка, дай ту круглую штуку!» — «А эта чертовина откуда?» — «Слушай, где та, которая с углом? Ну такая, знаешь, закорючка с хвостиком?» Правильно мы именовали только винты, гайки и болты — и то иногда по запарке болт называли гайкой.

Особенно трудно дался первый день. Мы работали до отбоя и были готовы продолжать всю ночь, Даниил Ильич еле отправил нас спать. А утром многие признались, что им снился круглощупальный автомат. У кого-то во сне он отплясывал на своих четырех ножках гопак.

Но машины мы собрали. Сами, без Даниила Ильича, — он все четыре дня только наблюдал. За эти дни он узнал нас, а мы узнали друг друга. Потому что во время такой необычной сборки каждый проявил свой характер.

Сразу выделились наиболее смекалистые. Стало ясно, кто хитрый, кто умный, кто нервный, кто честолюбивый, кто обидчивый, кто насмешник, а кто рохля.

Мы съехались в профтехшколу из разных мест, мы были чужими друг другу, а за эти четыре дня подружились. Казалось, мы знаем друг друга давно, будто все из одной деревни. Незаметно, пока мы собирали автоматы, Даниил Ильич собрал нас в коллектив.

— Ну, теперь видите, как все просто, — сказал он, когда все машины стояли на местах. — А вы боялись...

Вот и улица Сквороды, слева — университет, справа — профтехшкола. Что ж, может быть, для многих университет столько не значил, сколько для меня наш «профтех».

Постучал в дверь канцелярии, открыл ее. — Здравствуйте. Разве дирекция не здесь расположена?

— А ее здесь и не было никогда, — самоуверенно ответила девочка. — Дирекция в главном корпусе.

— Скажите, а в школе сейчас работает такой человек — Даниил Ильич?

— Даниил Ильич на пенсию ушел.

— А завуч Рахленко работает?

— Он в прошлом году умер.

Я больше ни о чем не спрашивал, вышел на улицу.

Помню, как Рахленко на торжественном выпуске напутствовал нас. «Фабрика — это не школа, — говорил он, — там не будут так внимательны к вам, как здесь. На производстве слишком много забот, и вы чаще, чем здесь, будете предоставлены сами себе. У вас будет больше свободы. Постарайтесь пользоваться этой свободой правильно. Вникайте во все, даже в то, что вас как будто не касается. Потому что человека в течение его жизни все может коснуться».

В бывшей нашей комнате живут теперь девочки. В комнате уютно, чисто. Чище, чем бывало у нас. Почему-то на каждой койке, на самом видном месте, — кукла. Мне объяснили, что в группе существует обычай — на день рождения дарить кукол, и вот они есть у всех — большие и маленькие, смешные и серьезные.

Девушки спрашивали, как у нас было тогда, — я спрашивал, как у них теперь. Оказалось, что между «тогда» и «теперь» много общего. У нас был отбой в одиннадцать вечера, и у них отбой в одиннадцать вечера. У нас кое-кто нарушал этот порядок, и у них кое-кто нарушает. У нас таких вызывали на совет общестия, и у них таких вызывают. У нас был драмкружок (мы ставили «Молодую гвардию»), у них есть ансамбль, он исполняет песни испанских интернациональных бригад. У нас был чтец и поэт Юра Смолянский, у них есть дирижер и композитор Гриша Грабарник. У нас был Даниил Ильич — у них есть Матиас Максимилианович...

Встретился я с Матиасом Максимилиановичем на экзамене. За столом сидел очень усталый человек с печальными глазами. Каза-

лось, он не интересуется ответами своих питомцев. Даже не смотрит в их сторону. А девочки между тем отвечали уверенно, чувствовалось, что они серьезно подготовились и жаждут пятерок.

Особенно мне понравилась Дуся Збирча. Она рассказывала о способах определения номера пряжи, чертила схемы, писала формулы и делала это так увлеченно, словно читала стихи. Пожилая преподавательница — она еще меня когда-то учила премудрости трикотажного производства — с удовольствием внимала ответам Дуси. И даже девочки, корпевшие над своими билетами, отвлекались, чтобы послушать ее. Один только Матиас Максимилианович был невозмутим.

Потом меня спросили о нем: «Ну как, понравился?» — и я признался: «Не очень...» — «А вы знаете, какой с той же Дусей был случай?..»

Коротко, было так. На выходной Дуся поехала к родственникам в деревню и не вернулась. Пришла телеграмма — «учиться больше не буду». Матиас Максимилианович послал к Дусе ее подружку: «Без Дуси не возвращайся!» Подружка вернулась, а Дуся — нет. Родственники, оказывается, уговорили ее остаться в деревне, помогать по хозяйству, присматривать

за детьми. Матиас Максимилианович пошел на почту и разговаривал с Дусей по телефону целый час. «Все равно я учусь на тройки! — жаловалась Дуся. — Все равно мою койку, наверно, уже заняли, все равно спать в общежитии негде». Кончился этот длинный трудный разговор тем, что Матиас Максимилианович предупредил: «Я сам буду встречать тебя через два дня на автобусной станции».

И стоял он, Матиас Максимилианович, на автобусной станции, и ждал Дусю. Приедет или не приедет? Подошел автобус, набитый до отказа, выходили люди, а Дуси — нет, выходили люди, а Дуси нет... И вдруг увидел — приехала!..

Вот несколько отрывков из писем, которые черновицкий мастер получает сотнями:

«Здравствуйте, дорогой Матиас Максимилианович! Пишет Вам одна из учениц 55-й группы Половинка Людмила Филипповна (бывшая Катруха). Надеюсь, Вы еще не забыли меня, мой дорогой учитель. Уже прошло девять лет, как Вы проводили меня из Черновиц. Сейчас я не работаю по той специальности, которой Вы меня учили, но если мне где-либо приходится привести в пример хорошего, отзывчивого, всегда внимательного к людям человека, то я всегда говорю о Вас».

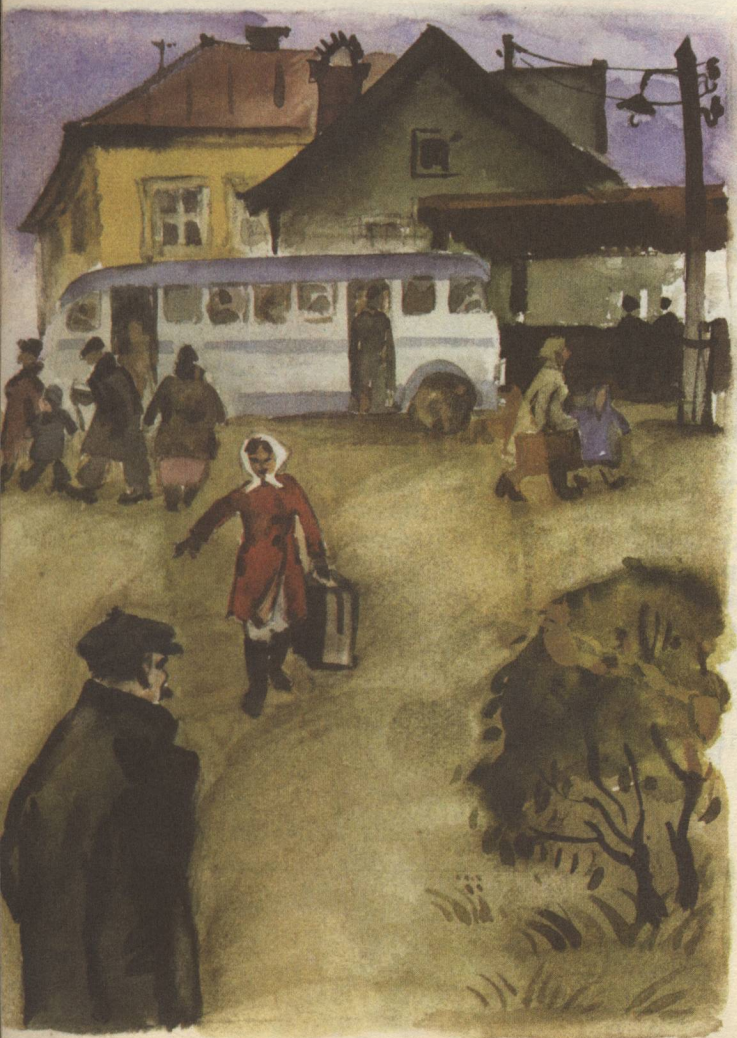
«Дорогой Матиас Максимилианович! Совсем мало прошло времени, как я уехала от Вас. Не знаю почему, но я ежедневно думаю о группе, но больше всего о Вас. Напишите, пожалуйста, как Ваше здоровье?»

«Ой, Матиас Максимилианович, плохо у меня все! Я имею в виду на работе. Сегодня там, а завтра тут. Надоело мне уже так работать. Но когда мне хочется бросить все, нагрубить или еще что-нибудь, я вспоминаю Ваши слова, Матиас Максимилианович: «Не бойтесь никакой работы». И я делаю все, что меня ни попросят, хотя и бывает очень тяжело...»

«Матиас Максимилианович, у меня к вам просьба. Видите этих двух девчушек на карточке, которую я Вам высылаю? Возьмите их к себе. По-моему, жалеть не будете, несмотря на тройки в аттестате, — они неглупые и работоспособные, знают немного жизнь со всеми ее невзгодами и радостями. Прошу Вас убедительно, возьмите их к себе, я знаю, что Вы их доведете до истинного ума».

Эти письма я с большим трудом выпросил у Матиаса Максимилиановича. С трепетом читал их. Потому что для меня лично нет ничего дороже, ничего трогательнее и долговечнее, чем искренняя дружба между Учителем и Учениками.

А. Гельман
Рисунки И. Латинского

У ХАРЦЕРОВ

В Познани, воеводском городе Польши, летом прошел слет лучших харцерских отрядов.

Участники слета соревновались в тушении пожаров, в езде на велосипеде и других видах спорта.

Отмечали тех, кто хорошо потрудился во время сбора урожая.

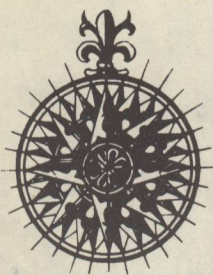
Особым успехом пользовался конкурс на лучшее блюдо.

Победил отряд из Острова — гостей угощали разными оладьями — недопечеными, допечеными, подгорелыми, с джемом, без джема, с яблоками и без яблок.

А потом — интересные встречи. Особенно запомнилась встреча с людьми «ночных» профессий — с милиционерами, железнодорожниками, пекарями и другими.

Ян Стыковский
Фото автора

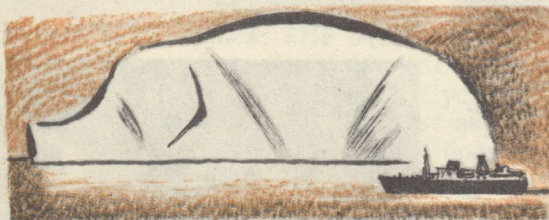
МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарова

Год издания 16-й

Письмо из Антарктиды

Оля Будашевская живет в Ленинграде, а папа ее, участвуя в экспедициях, плавает на кораблях. Из разных мест земного шара он пишет Оле письма. Одно из них мы и предлагаем вниманию читателей.

Дорогая Аলেখа!

Сначала мы шли на корабле почти полтора месяца и вокруг — все вода и вода. А сейчас ледышки попадают на пути. Правда, бывают эти ледышки больше небоскреба. Это айсберги. И какая у них причудливая форма: то медведя напоминают, то крокодила. Вчера я видел льдину, похожую на свинью. Колоссальная голубая свинья плыла по океану...

Корабль наш, «Профессор Зубов» — научно-исследовательское судно. На борту его — и аэрологическая, и синоптическая, и метеорологическая, и гидрологическая лаборатории. Целый институт!

Когда мы шли Бискайским заливом, попали в сильный шторм. Но корабль у нас хороший, выдержал.

Говорят, плохим характером Бискайки — так моряки залив называют — пользуются голландские предприниматели. Они высылают в залив спасательные суда и ждут сигнала «SOS». Потом идут на помощь, но с погибающим кораблем договариваются по радио о плате за спасение. Плата же — больше половины

ны стоимости груза и корабля... Не спасатели, а вымогатели.

Как врачу мне на судне делать почти нечего. Моряки народ здоровый. Правда, ранение у нас одно было. И что смешно, получил его один из врачей. Когда поймали акулу и она лежала без признаков жизни, он сунул ей в пасть руку в брезентовой рукавице. А сам ждал, чтобы его сфотографировали. И вдруг челюсти акулы чуть сжались и акулы зубы поранили ему пальцы...

Потом корабль наш пристал к Антарктиде. Здесь, на станции Молодежная, возле кают-компания стоит столб с указателями: сколько километров до разных городов. До Москвы, до Парижа, до Нью-Йорка. Есть и «До Ленинграда». До Ленинграда — 14 931 километр. Вот как я далеко от тебя.

Еще хочу тебе рассказать о пингвинах-адельках. Аделики эти — драчуны и проказники. Они друг у друга яйца воруют, а потом из-за них дерутся. А есть хитрые аделики: сидят на яйце, а рядом кладут снежный ком, похожий на яйцо. И подглядывают через плечо: кто на этот снежный ком польстится, устроят тому воришке трепку.

Ну вот пока и все.

Как твои успехи в фигурном катании? Слушаешься ли маму? Помни, что ты уже большая...

Целую тебя крепко. Твой папа.

СТРАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

В НОВОГОДнюю НОЧЬ

В новогоднюю ночь у Пингвина исчез со стола прекрасный карандашный рисунок одного из читателей. В редакции в тот вечер оставались трое: хранитель кунсткамеры Робинзон перебирал монеты и морские редкости, боцман Румпель упаковывал новогодние подарки, редакционный дрессированный говорящий кот Пип дремал на диване.

— Кто взял рисунок? — спросил Пингвин.

Румпель сказал: «Я не виноват. Я не знаю, кто это сделал...»

Робинзон сказал: «Это, наверное, сделал Румпель, желая подшутить над тобой, многоуважаемый Пингвин. Мы с Пипом все время видели друг друга...»

Пип сказал: «Это сделал Робинзон. Робинзона я не видел целый день».

При дальнейших расспросах все трое признались, что только одно из того, что сказал каждый, — верно.

Кто же взял рисунок? Кто?

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

В Севастополе, на морском заводе имени Серго Орджоникидзе строится плавучий кран-гигант. Ему и название хорошее придумано — «Богатырь». Он сможет поднимать груз весом в 300 тонн! Зачем такой большой кран нужен? Для разных дел: и затонувшие корабли поднимать, и в портах тяжести переносить, и плотины и дамбы строить. Поднять, к примеру, паровоз для такого крана — ничего не стоит, или целую баржу с камнями...

В буксирах кран не нуждается, у него будет собственный двигатель.

РАЗНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

Хотят дружить

пионеры архангельской школы с пионерами Узбекистана. Письма направлять по адресу: **Архангельск, средняя школа № 30 им. Ю. А. Гагарина, 7«г» класс, Наде Шерлыгиной.**

РАЗЫСКИВАЕМ

галеру «Тверь». Просим сообщить морских следопытов Казани: сохраняется ли сейчас в городе эта историческая галера?

Известно, что еще в 1927 году галера была цела, хотя и в ветхом состоянии. Галера стояла у бывших Журавлевских казарм, близ Петрушкина разъезда. Ждем сообщений.

В «ПАТЕНТНОМ БЮРО»

В 1971 году, в октябрьском выпуске «Морской газеты» мы предлагали читателям подумать над новыми швартовыми устройствами для судов. Вот что пишет Витя Адмиральский из Ленинграда:

«На причале и на корабле нужно установить подвижные электромагниты.

Если силу тока регулировать реостатами, швартовка будет плавной. Подвижные электромагниты смогут вести корабль и вдоль причала к нужному месту. А как отчаливать? Изменить полюса магнитов — и корабль отойдет от причала».

Предложение Вити комментирует инженер-кораблестроитель К. Н. Курденков: «Мне кажется, идея смелая и реальная. Витя достоин диплома „Патентного бюро“ „Морской газеты“».

СООБЩАЮТ ЮНКОРЫ

ДЕРЕВНЯ НА ДНЕ

Плавали однажды мы с братом на лодке по Иркутскому морю. Отплыли подальше от берега, глянули вниз и увидели... дома. Удивились мы, начали спорить. Но, оказывается, вот в чем дело. Когда-то на месте моря, на берегу Ангары, стояли деревни, жили люди. Но когда построили плотину, людей переселили на новые места. А дома стали сносить. Снесли, да не все. Кое-где остались. И вот вода поднялась и затопила эти дома. Поэтому, плавая на лодке, можно увидеть дома на дне моря.

Юнкор Витя Иванов, Ангарск

СОЛНЦЕ В ТРАНШЕЕ

Ле Тхи Ле

Мать подобрала тебе уголок
Около входа в траншею:
Все-таки воздуха лишний глоток,
Да и немного светлее...

Боязно было, что ночью видней
С воздуха лампочка эта —
Плотный колпак укрепили над ней,
Не пропускающий света.

Вот на веревочках из тростника
Тут же, в траншее, дощечка —
Это и парта тебе, и доска,
Тщательно цифры выводит рука,
Нету уютней местечка!

Янки бомбят... Задрожала земля —
Но не пугаясь, не плача,
Солнце рисуешь ты, горы, поля,
Тихо решаешь задачу.

Ты возле входа сидишь... Ничего! —
Это и дверь, и оконце...
Как-то увидела ты сквозь него
Даже затмение солнца.

Янки бомбят, поливают свинцом,
Ты забываешь об этом...
Лампа твоё озаряет лицо,
Полное солнечным светом.

СЫНИШКА РИСУЕТ

Куон Тан

Сынишке моему шестой годок.
Берет мелок, садится в уголок,
Изображает море, пароход
И вражеский горящий самолет...
Вот янки злой крадется к нам тайком —
Да наш боец проткнул его штыком;
Вот партизан уходит от погонь —
Рисует мальчик и кричит: „Огонь!“
— Тах-тах! Тах-тах! — кричит, вода рукой, —
Такой наивной, маленькой такой...
Снует его мелок туда-сюда:
Враг терпит поражение всегда!
Американский падает „фантом“,
И дым зловещим тянется хвостом,
Уже сдается в плен парашютист —
И ясен небосвод, и берег чист,
Морские дали снова широки —
Смотри, выходят в море рыбаки!
...И мать мальчишку хвалит:
— Молодец!
Да ты рисуешь лучше, чем отец!

Ни одного отстающего рядом

МОЙ ВНУК

Данг Тхай Хоанг

Внучок эвакуируется мой.
Сегодня покидает он Ханой,
В последний раз глядит сегодня он
На дерево, на дом и на газон,
На улицу, на синеву небес —
В его глазах живейший интерес...

— Я, дедушка, уйду не навсегда,
Я, бабушка, уйду не навсегда,
Когда врага прогоните совсем,
Я к вам вернусь немедленно сюда...

Он любит нас... Но в детстве обречен
Свою любовь покинуть в первый раз...
Как взрослый, с рюкзачком уходит он,
И вот уже скрывается из глаз.

Отца и мать не видел он давно,
Их увела военная гроза.
А мне все время видится одно:
Блестящие наивные глаза...

Перевел Семен Ботвинник

Кто из ребят не хочет, чтобы его уважали и товарищи в классе, и приятели во дворе, и даже взрослые люди?

Но уважение уважению — рознь. Вот мне и захотелось разобраться в том, какое уважение самое главное. За что человека уважают больше всего.

В чем тут дело?

Еду на Волгу, в город Горький. Там знаменитый автомобильный завод, который рассылает по всей стране грузовые и легковые машины. На заводе — тысячи рабочих, мастеров своего дела. Там-то уж можно разобраться, кого и за что уважают.

Смотрю, как могучий пресс словно бы легонько прижимается к стальному листу. Мягкое движение — и лист выгнулся точно по форме, стал дверью легковой «Волги».

Детали собирают в узлы, узлами «начинают» пустую коробку автомашины. Двигается конвейер, рабочие руки выполняют сотни операций. Каждый человек не очень-то заметен, а вместе — какая мощь! И, глядя на это мощное движение, я вдруг понимаю, что все эти люди связаны воедино, что все они — коллектив.

Мне рассказывают: три Героя Социалистического Труда — Алексей Косицын, Сергей Кузнецов, Иван Пермяков обратились к автозаводцам с

Рисунок

Т. Оболенской

призывом: «Ни одного отстающего рядом!» Значит, эти трое рабочих, лучшие из лучших, думали не о себе, а о товарищах, особенно о новичках. Новички — только что из училища, со школьной скамьи. Кое-какие знания у них есть, а навыков, опыта — нет.

Есть хорошая традиция:

плату. Они вроде машины, у которой резвый двигатель, а тормоза и рулевое управление то и дело отказывают. Вот их и «заносит»... Например, Сережа Гринев. Пришел в бригаду из заводского учебного пункта. Парень ершистый, на собрании страсть любит выступить сразу против всех. А в рабочее время

всего. Ответ был дружный, общий:

— Вовку Артюшкина!

Стал расспрашивать. Не образец мальчик — Артюшкин. Из 6 «б» его перевели за то, что плохо учился, сколотил компанию и вытворял всякие художества. Тянулась компания к взрослым парням, кото-

опытный рабочий и новичок заключают договор. Обязуются все лучше овладевать своей профессией, постоянно учиться: кто в вечерней школе, кто в техникуме, кто в институте. Получит подшефный очередной разряд, — шефству конец, а шефу спасибо от всего завода за то, что помог молодому рабочему одолеть ступеньку.

Меня познакомили с одним очень хорошим шефом. Это Валерий Шальнов. Он бригадир электриков цеха гидроузлов. Учится заочно на пятом курсе Политехнического института. Набирает в бригаду мальчишек, кого из училища, кого так, прямо с улицы. Не только обучает ремеслу, но и следит за успеваемостью, водит в театр, в кино, пробуждает вкус к деятельной интересной жизни.

Мы разговорились с Валерием:

— Подростки — разные, — сказал он. — Иногда учишь не столько ремеслу, сколько тому, как правильно истратить зар-

плату. Они вроде машины, у которой резвый двигатель, а тормоза и рулевое управление то и дело отказывают. Вот их и «заносит»... Например, Сережа Гринев. Пришел в бригаду из заводского учебного пункта. Парень ершистый, на собрании страсть любит выступить сразу против всех. А в рабочее время все, бывало, норовит позагорать на солнышке. Три года я с ним «воевал». Как будто наладили и тормоза, и руль. Теперь Сережа сделает работу — и ходит гордый: сам сделал!.. Витя Зюзин — совсем другой. Из потомственной рабочей семьи, тут его воспитывать не надо. Ему подавай секреты мастерства. Он спокойный, даже медлительный. Сначала обдумает работу, взвесит, смекнет, что к чему, а тогда уже берется и — ни одного лишнего движения. Витя сейчас в армии, жду его обратно на завод. Самый мой любимый ученик...

Шефов на заводе уважают.

Как же не уважать Валерия Шальнова, если он так помогает молодым рабочим! А значит, и всему громадному коллективу.

У завода подшефная школа — 126-я. Отправился туда.

В 6 «а» классе я спросил ребят, кого они уважают больше

рые угощали сигаретами, а то и вином. И неизвестно, чем кончилось бы дело, если бы Вовка не набрался духу и не порвал с компанией.

Расспрашивал, за что же уважают Вовку теперь.

— Потому что он умный.

— И справедливый.

— Хорошо дерется.

— И поет хорошо.

— Хороший командир «Зарницы». Он командовал, и наш отряд победил.

— Вовка ни к кому не подлаживается. Если дружит, так дружит, а нет, так нет.

— Футболист лучше всех.

— Его за характер даже в старших классах уважают.

Это говорил не один человек, не два. Говорил коллектив. Тот самый коллектив, за который сам Вовка стоял горой.

Лариса Митянова, 6 «а» класс:

— Артюшкина уважают за то, что он хороший организатор и к порученному делу всегда относится серьезно.

Анатолий Никифорович Соловьев, преподаватель физкультуры:

— У мальчишек обязательно должен быть человек, которому они могли бы подражать. Именно таков Артюшкин. Он спортсмен. Ребят это притягивает. У него есть свой характер.

походы по местам боев. На одном братском кладбище в Латвии на сером надгробном камне мы увидели фамилию Зотова. Оказывается, Владимира Михайловича считали погибшим. На месте, где сгорел танк Владимира Михайловича и его друзей, стоит обелиск. Латышские следопыты написали на

ней, проливших кровь за Родину.

Она — наш самый главный, наш общий коллектив.

Я вспомнил стихи С. Орлова о неизвестном солдате:

И для тебя, и для меня
Он сделал все, что мог:
Себя в бою не пожалел,
А Родину сберег.

Попали мне в руки странички, написанные восьмиклассницей другой горьковской школы — 137-й. Зовут эту горьковчанку Светлана Савченко. Она пишет:

«Владимир Михайлович Зотов — учитель истории в нашей школе. Вот уже второй год мы, красные следопыты, совершаем

нем: «Друг, Родина дарит тебе свою память».

Сейчас мне даже страшно подумать, что такого хорошего человека я могла бы не знать никогда».

Учитель истории стал для Светланы учителем жизни. И не только для Светланы. Никого мы так не уважаем, как лю-

Теперь ясно, как человек может заслужить уважение. Конечно, и способностями, и общительным характером, и спортивной подтянутой внешностью, и вежливостью. Но главное — сердечной заботой о других, о коллективе.

В. Того, г. Горький
Рисунки А. Януса

ПО СТРАНИЦАМ СТАРЫХ ПИОНЕРСКИХ ЖУРНАЛОВ

Первые номера пионерских журналов. Грубая, шершавая бумага, порой нечеткий шрифт. Тут напечатаны стихи В. Маяковского и С. Есенина, первые строчки А. Жарова и М. Светлова, первые повести и рассказы Л. Кассиля и Л. Пантелеева.

Все тогда было впервые. И во взволнованных, с ошибками письмах пионеров (так тогда называли пионерских корреспондентов) рождались починны, боевые дела пионерских отрядов. Печатаем некоторые письма.

Наше звено организовалось недавно, всего еще только 2-го июля 1924 года. Начали выбирать название своего звена. Выбор пал на «Домну». Это печь на заводе, где из руды плавят чугун. Решили изучить ее подробно. Пришли с экскурсией на завод. Наш дедушка объяснил, как работают тут рабочие.

Изучивши доменную печь, мы ее нарисовали в нашем звеньевом уголке.

Ваня Братчиков, Омутнинск Вятской губернии

Целые горы лома натаскали мы со своих дворов в школу. Одна гора получилась такая высокая, что наши «туристы» — котенок и щенок Трезор — полезли на гору и... заблудились. Для того чтобы такие истории не повторялись, мы решили свезти эту гору в Рудметалл.

Женя Кенти, г. Боровичи

Перед выборами сельсовета мы, ребята, писали повести и разносили их избирателям, рисовали плакаты, устроили два спектакля, а в день выборов отпустили всех мам на собрание. Дома остались сами — нянчиться с малышами.

Лизе из 4-й группы так понравилось забавлять ребятшек, что она не хотела уходить домой.

А. Миркичев, село Шуйское.

ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

Раздел ведет писатель Н. И. Сладков

Эти страницы могут быть пестрыми от листопада, или белыми, — если на них прилетит белый лебедь, или голубыми, — если по ним побежит река.

И все же мы назвали их зелеными! Потому что голубая река бежит по зеленому полю, а белый лебедь живет в зеленых камышах, и самый яркий осенний листочек был ведь когда-то совсем зеленым!

Эти страницы нашего журнала мы отдаем Природе. Мы будем рассказывать тебе о Звездах и Птицах, Траве и Деревьях, и о Людах, которые их изучают и берегут.

Мы надеемся, что и ты напишешь в «Зеленые страницы», как сам узнаешь природу и помогаешь ее охранять. Натуралист и писатель Михаил Михайлович Пришвин говорил: «...охранять природу значит охранять Родину».

НАСТОЯЩИЕ ЮННАТЫ

Бывает, ребята расставят по школе горшки с цветами и считают, что они — юннаты. Слов нет, приятно, когда школа и зимой зеленая, но я думаю, что настоящие юннаты — другие.

Как-то к нам на агробиологическую станцию пришло более ста сельских школьников. По дороге эти ребята записывали в тетрадки, какие на полях растут кормовые травы и какие сорняки мешают им расти.

У нас на станции осмотрели все, что могли, задали тысячу вопросов и сказали, что не могут просто так уйти: «Мы должны еще что-нибудь сделать для вас». И пропололи огород. Стали прощаться. Мы говорим: «Ну, выполнили программу?» — «Нет, мы еще должны по дороге домой набрать мешок лекарственных трав».

Сорт томата «Юннат» — даже название говорит об этом! — был выведен на юннатской станции и оттуда пошел в колхозы. Вот там, на станции, настоящие юннаты! Сельские ребята, что были у нас в гостях — настоящие юннаты! Ни минутки не упускают — как можно больше хотят узнать, помочь. И дела для себя выбирают такие, которые нужны не только им самим, а и взрослым, и городу или деревне, где они живут, да всей стране, в результате. Вот такими я представляю себе настоящих юннатов.

В. Матисен, директор одной из первых юннатских станций, открывшихся в 1925 году

Что за грибы собрала Таня Николаева? Крепкие, тяжелые — некоторые весят больше килограмма!

А это вовсе и не грибы. Юннаты Ленинградского Дворца пионеров получили из Югославии семена декоративной тыквы. И вырастили ее на своем опытном участке.

Происшествия в зоопарке

ВЕЛИКОДУШНАЯ СОВА

Стучилось это в тяжелое время ленинградской блокады. Многие лесные птицы и звери, напуганные грохотом боев, покидали окружающие леса и сбегались в осажденный город. Кто чутким носом, кто зорким глазом — они обнаруживали городской зоосад и безбоязненно приближались к вольерам и клеткам, где сидели их четвероногие и крылатые товарищи.

Однажды в зоосад залетела серая птица с круглыми большими глазами. Села на клетку и замерла, словно изваяние. Это была сова. И она совершила поступок, который и сейчас, много лет спустя, вызывает изумление.

Мы знаем много примеров великодушия у животных. Мать гибнет, защищая своего птенца или детеныша. Лоси сообща защищаются от волков. Но это все врожденные инстинкты. А чем объяснить поведение этой птицы?

Появилась сова в самое трудное время, когда голодали и люди, и животные. Прилетела она на закате, села сперва на трубу, затем перелетела на клетку, где жили ее собратья. Со стороны казалось, что она завела разговор с пленными совами на своем птичьем языке. «Поговорив», сова улетела, но на следующий вечер ее большая тень снова парила над клеткой. И в изогнутом клюве ее висел крысенок! Лесная гостья просунула крысёнка сквозь прутья клетки и бросила пленникам-совам. Те жадно набросились на еду. А дикая сова смотрела на них своими круглыми бесстрастными глазами. Потом взмахнула крыльями и улетела.

Прилетела она и в другой вечер и принесла лягушку. И так продолжалось почти два месяца. С нетерпением ожидали совы свою великодушную спасительницу.

Трудно сказать, почему сова так поступила. Возможно, у нее погибли птенцы и ей хотелось кого-то выкармливать? Кто знает. Но пленных сов от голодной смерти спасла.

А. Светов

В каникулы едем на центральную усадьбу охотничьего хозяйства возле станции Мюлльпельто. Егерь с женой уже встречают нас у дома. Комнаты жарко натоплены, все приготовлено к нашему приезду.

Утром на лыжах в лес. Глубокий пушистый снег, безветрие. Егерь показывает следы на снегу, сломанные зверями ветки, погрызы на стволах. Вернулись, когда хлопьями стал падать снег.

В один из дней отправились на звероферму. Путь длинный — одиннадцать километров.

Зоотехник рассказал, как разводят норок и песцов, как за ними ухаживают и чем кормят, как выводят животных разных расцветок. Потом мы видели норок, бурых, белых, голубых. Вдруг одна белая норка убежала. Поймали ее с большим трудом.

И еще мы слушали беседу охотоведа о животном мире Приозерского района и охране редких животных. Мы ему столько задали вопросов, что беседа длилась больше двух часов.

Из дневника юннатских звеньев «Снежишка», «Следопыт» и «Волчок», Кудышевский район, Ленинград

ВОЛЧИЦА

Волчица ночью разломала клетку — свою тюрьму. Когда ее окружили, она бросилась на людей, лишивших ее свободы, и, порвав сеть, перескочила через забор, скрылась в лесу.

Люди из зоопарка долго искали беглянку в ближайших лесах, но вернулись ни с чем. Опасно было оставлять на свободе злобного зверя. И его долго еще искали, пытаясь если уж не поймать, то хотя бы убить.

Наконец, охотники отступились: волчица как в воду канула. И вдруг телефонный звонок! «Приезжайте за вашим волком, мы поймали его!» Никто сперва этому не поверил: ведь ее не могли поймать опытные следопыты и специалисты! Кто же это мастер такой, оказавшийся ловчее всех?

«Мастером» оказался восьмилетний парнишка. У него, конечно, не было ни сетей, ни капканов, ни ружей. Волчица сама вышла к нему. Он играл возле кустов, когда вдруг увидел тощую и жалкую собаку. Мальчик не испугался, не стал гнать и кричать, а только смотрел на нее с жалостью и сочувствием. Истощенная голодная волчица, покачиваясь от слабости, подошла к нему и легла у ног. Мальчик погладил ее — она завилела хвостом. Мальчик снял свой ремень, обвязал его вокруг шеи «собаки» и повел ее домой, чтобы накормить.

Так волчица снова попала в зоопарк. Но больше она не смотрела на людей злобно и ненавидяще.

А. Синяевский

Этого медведя я караулил на Ладоге два дня. Сделал шалашик из ветвей и сидел в нем днем и ночью. И дождался-таки своего — вдоль берега озера косолапил мишка. Остановился возле телеграфного столба и приложился к нему ухом. Долго слушал, как гудят провода.

Я решил подкрасться поближе, чтобы кадр был покрупнее. Только не идти же прямо к Топтыгину — увидит и убежит! Тогда я стал передвигаться вместе с шалашом. Тащил его на спине метров сто. Медведь услышал, посмотрел в мою сторону. И так удивился, что груда ветвей может двигаться сама собой, что, наверное, с минуту стоял неподвижно. Тут я его и сфотографировал.

А. Пирожков

Все ученики нашей школы — члены Всероссийского общества охраны природы. Когда наступает весна, мы сажаем деревья, развешиваем гнезда и охраняем рыб в период нереста. Летом ухаживаем за лесом в триста пятьдесят гектаров. Очищаем от сухостоя, подрезаем кустарники вдоль шоссе. А сейчас, зимой, подкармливаем птиц и зверей. Уже развели четыреста кормушек.

*434 школа,
Сестрорецк*

Наша школа работает первый год, но мы уже создали свой живой уголок, зимний сад, озеленили все кабинеты, а в День леса посадили тысячу семьсот пятьдесят кустов.

Рядом со школой огромный заброшенный пустырь — придется потрудиться!

*Школа № 25,
Ленинград*

ОТВЕЧАЕМ НА ТВОЙ ВОПРОС

Рисунок О. Зуева

Дорогой «Костер»! Я хочу писать, быть журналистом. Когда куда-нибудь уезжаю, пишу дневник или еще что-нибудь вроде этого. Но как выбрать, о чем писать, как найти свою тему?...

Лара Ткаченко, Ленинград

Здравствуй, Лара!

Ты мечтаешь стать журналистом? Представь себе, и я задумался впервые об этом, когда учился в школе.

Стояла осень сорок второго года. Трудная была пора — враг наступал, под Сталинградом и в самом городе шли бои. А у нас, в далекой Сибири, лишь из газет узнавали подробности большой битвы. Вот тогда-то я и начал каждый день читать газеты. И почти в каждом номере находил статьи Ильи Эренбурга. Какие это были статьи! Честные, прямые, острые. Всю силу своей ненависти к фашизму перелил Эренбург в огненные строки: «Боец, помни, кто перед тобой... Боец, помни, кто позади тебя... Позади тебя дышит живая Россия. Зреют колосья нашего урожая. Дышат трубы наших заводов. Но теперь важен каждый шаг. Но теперь важен каждый час. Можно спасти Родину — здесь, на этом рубеже!»

Потом, много позже я узнал, что эти статьи читали бойцам перед боем.

Через несколько лет в мою жизнь вошло еще одно имя — журналиста Михаила Кольцова. Он писал в двадцатые-тридцатые годы. Его очерки и фельетоны чаще всего печатала «Правда». О чем писал Кольцов? О пятилетке, о первых советских самолетах, о спасении челюскинцев. И не только писал. Он спешил туда, где опасно, где нужно личное мужество. Так Михаил Кольцов поехал в Испанию в 1936 году, стал участником первой схватки с фашизмом...

В последние годы я написал две книги: одну — об Илье Эренбурге, другую — о Михаиле Кольцове. Этими книгами я хотел ответить на вопрос — «Что значит быть журналистом».

Из твоего письма, Лара, я понял, что труднее всего тебе выбрать тему. Это, по-моему, всегда зависит прежде всего от самого человека, от пишущего. Вокруг нас много интересного. Но, чтобы о чем-то писать, нужно много знать. Михаил Светлов, автор знаменитой «Гренады», как-то сказал, что поэту приходится за каждую поэтическую строку платить всей жизнью. Так и журналисту. У него должны быть глубокие жизненные интересы. Он не турист, не согладатель. Он участник происходящих событий. «Действующее лицо», как любил говорить Кольцов... Ты пока что учишься, это твое главное дело и, наверное, сейчас лучше всего сможешь написать именно об этом. О том, что знаешь.

И, наконец, последнее. Как стать журналистом. Ну, прежде всего, конечно, нужно иметь природные способности. Это как в музыке — тому, у кого нет слуха, нелегко научиться играть на скрипке. Правда, способности можно развить. Но университеты, факультеты журналистики лишь помогают овладеть определенными навыками.

Во второй половине двадцатого века журналистам стали требоваться специальные знания — в области науки, техники. Подумай, разве плохо, например, изучить биологию или медицину, а потом стать журналистом, который пишет о проблемах науки с полным знанием дела. Так пишет о физиках инженер и писатель Даниил Гранин, так писал о деревне агроном и писатель Валентин Овечкин.

Тебе самой, Лариса, предстоит выбор. Никто его за тебя не сделает. Только не придумывай никаких тем. Они придут сами, когда шире станет круг твоих интересов.

Хорошего тебе.

Дружески —

Александр Рубашкин, писатель и журналист

Эрмитаж — сокровищница мирового искусства, это всем известно. Но сегодня речь идет не об уникальных полотнах.

Вместе с заместителем директора Эрмитажа по научной части Виталием Александровичем Сусловым поднимаемся по широченной Иорданской лестнице. Сверкающее золото. Белоснежный мрамор. Мы восхищаемся: «Какая здесь чистота!»

— Что вы! Это только кажется! — машет руками Виталий Александрович.

Он опускает тоненькую кисточку на дно высокой узкой античной вазы и хмурится. Берет увеличительное стекло и наводит его на трещинки старого холста. Отодвигает в сторону тяжелую раму и огорченно качает головой.

Понятие «музейной чистоты» совсем особое.

ЭРМИТАЖ УМЫВАЕТСЯ

М. Ильина,

О. Колесова

НАДО ЛИ МЫТЬ ПОСУДУ?

Когда-то давным-давно, может быть, две тысячи лет назад, сделал мастер чашу из стекла. Сверкала прозрачная чаша в лучах античного солнца, радовала людей своей красотой.

Но за две тысячи лет многое с ней произошло. Она уцелела, не разбилась, но оказалась в конце концов глубоко под землей. Когда ученые-археологи, наконец, нашли и осторожно выкопали ее, чаша уже не была сверкающей и прозрачной. Посуда за один день пачкается, а тут столько веков. Вот бы помыть ее, с мылом, горячей водой!.. Да нет, ни в коем случае нельзя, погибнет чаша.

Ученые и дышать боялись на это античное стекло. Обмахнут только, бывало, едва касаясь, пушистыми кисточками, так и выставят в музей. И, представьте, все любуются.

Конечно, интересно увидеть, какие великолепные вещи умели делать люди двадцать веков назад, но все-таки лучше бы показывать их в музее чистыми.

Несколько лет искала химик Эрмитажа Нина Григорьевна Герасимова, чем мыть древнее стекло. Наконец, нашла состав. И оказалось все довольно просто. Надо мыть спиртом, разведенным водой. Спирт микробы убивает, но раствор не так крепок, чтобы повредить старое стекло.

Вот видите, посуду всегда надо мыть. Даже античную.

МОНЕТА В КОРОБОЧКЕ

Семь лет назад химики Эрмитажа начали такой опыт. Они приготовили две застекленные коробочки и положили в каждую из них несколько блестящих серебряных монет. Монеты были одинаковые, коробочки — тоже, только в одной

из них лежал еще лоскуток шелковой ткани, пропитанный раствором уксусно-кислого свинца.

Коробочки спрятали в шкаф и стали терпеливо ждать ответа.

Какой же вопрос поставили химики перед монетами?

А, оказывается, для музея очень важный. Трудно хранить в чистоте картины, а серебряные вещи — еще труднее. Почему же, ведь серебро — благородный металл, не ржавеет, что с ним может сделаться?

Ржаветь-то оно не ржавеет, но при большом скоплении людей, когда воздух становится душным и в нем появляются пары сероводорода, от красивого вида серебра не остается и следа. Оно покрывается черно-рыжими разводами, пятнами.

Конечно, серебряную вещь можно и почистить, и помыть. Реставратор Ольга Владимировна Васильева, специалист по металлам, рассказывает, что сначала чаши, ковши, сосуды моют горячим мыльным раствором, куда примешан аммиак (он помогает снять накопившийся жировой налет). Потом изделие промывают чистой водой. Потом — дистиллированной. А потом сушат, но не как обычно, на воздухе, а протирают спиртом. Спирт быстро испаряется, серебро становится сухим и в то же время продезинфицированным. Все хорошо, чисто, но представляете, сколько хлопот?

Монеты в коробочках должны были подсказать, как хранить серебро в многолюдном музее.

Прошло семь лет, и монеты ответили. В одной коробочке они изменились, потускнели, как обычно. Зато те, что лежали на шелку, блестят как новенькие. Пары уксусно-кислого свинца защитили серебро от вредных влияний, не дали ему почернеть.

БОРЬБА С НЕВИДИМКАМИ

Бывают в Эрмитаже дни, когда тот или иной зал закрывается на генеральную уборку. Тогда со стен снимают все картины, разбирают на части рыцарские доспехи, раскрывают герметически закрытые витрины. В такой день халаты уборщиц надевают самые опытные научные сотрудники, реставраторы, хранители.

Вот они осторожно кладут на стол, покрытый мягким одеялом, картину Джованни Тьеполо «Триумф полководца» (это самая большая картина в музее, ее высота пять с половиной метров). Реставратор плавно, без нажима протирает бархатной подушечкой лицевую часть холста. Он с закрытыми глазами покажет, где на полотне скрытый изъян — вмятина, трещинка, царапина, где полотно истончилось. Потом начинают так же бережно чистить тыльную сторону картины — теперь уже пылесосом. Длинноволосой щеткой (любая другая своими твердыми краями может неожиданно «прижать» холст), легкими прикосновениями, сантиметр за сантиметром убирается пыль. Тут не спешат: вдруг ткань порвется и случится непоправимое, — за старого мастера уже никто не напишет.

ОСТОРОЖНО, МОЛЫ

Вы достали из шкафа пальто, а воротник весь изъеден. Пришлось новое покупать.

А если моль съест камзол самого Петра Великого?

Моль проникает в музей очень легко — с улицы, с посетителями. Лучшее лакомство для нее — что-либо постарее. Такой уж у моли каприз.

Жучок-древоточец тоже досаждают: для него какой-нибудь старинный шкафчик — вроде мармелада.

Раньше ткани посыпали нафталином. Пользы от этого было мало, нафталин, как известно, только отпугивает моль, но не уничтожает личинки. Да и в залах неприятный запах.

Приходилось в каждую щелочку музейной мебели впускать шприцем раствор ДДТ. Канитель! К тому же раствор портил лаковую поверхность драгоценных экземпляров.

Сейчас с насекомыми и их личинками в музее борются иначе.

Газовая камера — замкнутое специальное помещение, куда приносят подлежащие обработке экспонаты. Положат и пустят ядовитый пар, — он проникнет всюду — и за корешки пухлых

трепанных книг, и в щели разошедшихся кресел. А краски и лак останутся в целости.

Чего только не увидишь в газовой камере! Недавно здесь побывала мумия — она вдруг приглянулась жуку-кожееду. Потом принесли покрывало с «рыцарского» коня — завелись личинки моли.

Газовая камера — карантин для всех «новеньких», будь это сосуд из археологической экспедиции или книга из частной коллекции.

Кроме того, для профилактики многие предметы обрабатывают различными растворами. Скажем, стоит в арсенале старое знамя. Его древко протирают раствором ДДТ — от жука. Кожаный футляр — тимоном: он убивает плесень. Кожа прикреплена к древку медными кнопками — для них свой состав!

Думают в Эрмитаже и над тем, как расположить источники света, чтобы на полотне было меньше бликов, мешающих рассмотреть холст.

РОЗЫ И ТАПОЧКИ

Экспонаты в музеях развешивают на стенах, раскладывают в витринах. А экспонаты под ногами вы когда-нибудь видели?

Все мы знаем ароматный цветок — розу, но не многим известно, что ствол куста розового дерева дает прекрасную древесину. Ствол маленький, много ли из него дощечек получится? Поэтому розовое дерево очень ценится, из него делают узоры на самом дорогом паркете.

В Эрмитаже есть полы, выложенные розовым деревом. Вы их легко отличите: светло-коричневые пластинки, словно тетрадки первоклассника, разлинованы наискось широкими светлыми прожилками. Это очень красиво.

Не менее красива карельская береза — она дает светлый кружевной рисунок. А паркет, сделанный из тропического амаранта, имеет удивительный фиолетовый цвет.

Черное дерево, сандал — вот какие редкие и ценные породы древесины использованы в паркетах Эрмитажа. Полы эти своей удивительной красотой славятся на весь мир. А работникам музея с ними одни страхи и хлопоты — ведь их ежедневно топчет не одна тысяча ног. Драгоценный пол гибнет.

Сначала придумали мягкие тапочки, каждый посетитель должен был их надевать. Полы портились, конечно, меньше, но от войлока в залах появилась пыль, очень вредная для картин. Натерли пол мастикой, однако от этого исчезал рисунок на прекрасной древесине, да и представьте себе, какая это огромная работа — натереть пол в трехстах пятидесяти залах!

Теперь, чтобы защитить удивительный паркет, его покрывают лаком. Красиво, чисто, блестит и не портится. Чуть сотрется лак — покрывают заново, и так — каждые полгода.

Очень берегут паркет в Эрмитаже: ведь он тоже — музейная редкость.

КОВАРНЫЙ БЛИК

Специалисты спорят: как должно быть в музее — светло или темно? Мол, старые мастера работали при свечах, надо придерживаться их правил. Шторы надо задергивать.

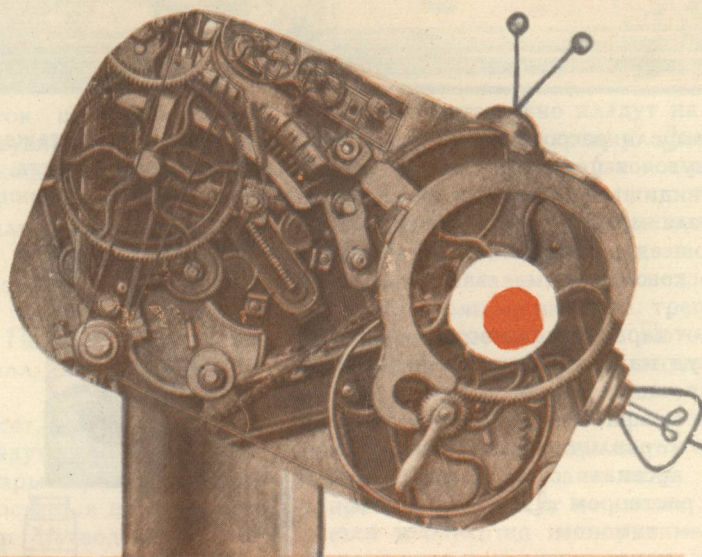
Конечно, яркое солнце способствует выгоранию красок на полотнах. Нагревается воздух — холст то расширяется, то сжимается, это вредно для живописи. Но как быть с работами в черной гамме? Зачем тогда ходить в музей, если ничего не увидишь?

В Эрмитаже решили: пусть залы будут освещены не очень ярко, но и не тускло. И не одинаково: для разных картин разный свет.

Каждый раз, когда в очередном зале устанавливаются светильники, собирается целый консилиум монтажников, собирается целый консилиум монтажников, научных сотрудников, хранителей во главе с директором Эрмитажа академиком Б. Б. Пиотровским. Вот сменили освещение на третьем этаже — совсем по-новому заиграли, высветлились солнечные полотна Ренуара и Манэ. Сняли люстру и повесили лампы дневного света около полотен Тициана. И богатейшая палитра знаменитого художника предстала во всем многообразии.

КОС_ТЯ ТЕР_КИН

берет
интервью

Однажды КОС_ТЯ ТЕР_КИН увидел на почте множество телеграмм с необычным адресом: Ленинград, Минерал. Писали этому Минералу из Мурманска и Норильска, Магадана и Тикси, из Антарктиды, со Шпицбергена и еще из самых разных мест.

— Здесь кроется что-то интересное! — подумал КОС_ТЯ ТЕР_КИН.

Оказалось, что «Минерал» живет на набережной Мойки. Да и не Минерал это вовсе, а целый научно-исследовательский институт геологии Арктики.

— Чем заняты сейчас ученые института? — спросил КОС_ТЯ ТЕР_КИН директора института Б. В. Ткаченко.

— В первую очередь — исследованием шельфа! — ответил Борис Васильевич.

— А что такое шельф?

— Шельф, или материковая отмель, — самая мелкая часть Мирового океана, вплотную примыкающая к континенту. Шельфовые моря Советского Севера — это Баренцево, Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское и Чукотское.

— А что в этих шельфовых морях интересного?

— Геологическое строение дна шельфовых морей мало отличается от строения прилегающей суши. Значит, на шельфе сосредоточены огромные и еще не тронутые запасы полезных ископаемых. Уже сейчас в разных частях мира эксплуатируются морские рассыпные месторождения титановых минералов (ильменита, рутила), циркона, монацита, хромита, магнетита, а также касситерита (оловянного камня), золота, алмазов. Но особенно важны шельфы как колоссальные кладовые нефти и газа.

— Как же изучать дно? Под водой геологическим молотком, наверное, не поступишь?

— Кое-где можно и постучать — бывает, что морское дно исследуют с аквалангами. А вообще-то берем данные проб с бортов экспедиционных судов специальными приборами: драгами, дночерпателями, грунтовыми трубками. Бурим скважины со специальных платформ. Но главную помощь в изучении моря, особенно при поисках нефти и газа, оказывает геофизическая разведка.

— ?

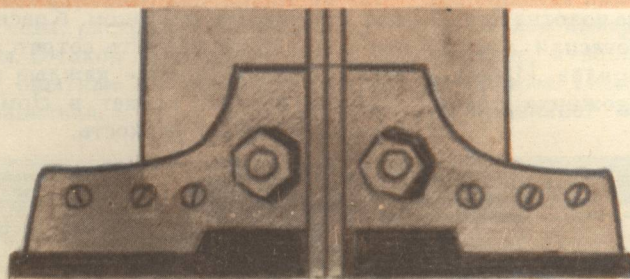
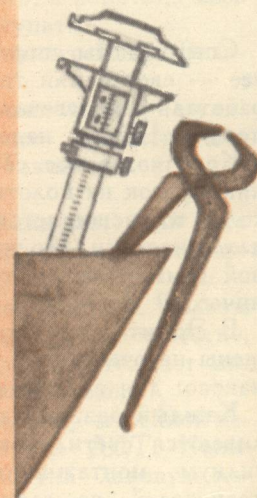
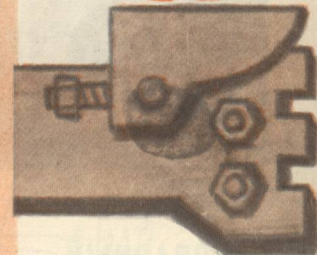
— Применяется целый комплекс методов — гравиметрических, электрометрических и сейсмометрических. Наиболее точные материалы дают сейсмометрические методы, когда специально возбуждаются упругие колебания, по-разному отражающиеся от различных геологических поверхностей. В результате обработки данных рассчитываются глубины и формы залегания различных горизонтов земной коры и их свойства. На суше источником таких колебаний обычно бывает взрыв.

— Но ведь взрыв в море может повредить рыбе?

— Именно. Поэтому при морских работах используют такие безвредные для рыбы источники возбуждения волн, как электроискровые и пневматические.

Конечно, изучение арктических морей дело трудное. Но мы надеемся, что в скором времени значительную часть мировых месторождений нефти и газа составят и морские месторождения Советского Севера.

Оформление А. Януса

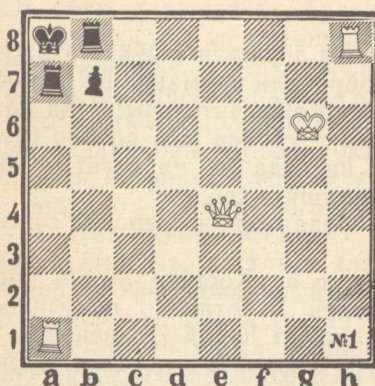

АРЧЕБЕК

АРЧЕБЕК — ЭТО ЧТО?

АРЧЕБЕК — Армия Рыцарей Черно-Белых Клеток. Командует Армией знаменитый и непобедимый шахмат-адмирал Ферзьбери. Арчебековцы выполняют боевые задания шахмат-адмирала, приобретают сведения из теории и истории, консультируются у лучших гроссмейстеров и поэтому нередко становятся чемпионами класса, школы, а то и города.

Двери АРЧЕБЕКА открыты для всех! Принимаются даже не умеющие играть. Они зачисляются в отряд рыцарят и, после того как сам Ферзьбери научит их сражаться на 64-х полях клетчатой доски, становятся в строй доблестных рыцарей.

К АРЧЕБЕКУ примыкают все новые и новые рыцари. В ежегодных состязаниях они не только совершенствуют свою игру и завоевывают спортивные разряды, но и вырабатывают у себя настойчивость, терпение, умение логически мыслить, волю к победе.

Вот и сейчас — в этом номере — в АРЧЕБЕКЕ открывается Олимпийский турнир рыцарей. Жюри: шахмат-адмирал Ферзьбери, гроссмейстеры Виктор Корчной и Исер Куперман.

Трижды салют славным рыцарям-олимпийцам!!!

4 ВОПРОСА

ШАХМАТ-АДМИРАЛУ

— Можно ли записаться в Олимпийский турнир?

— Можно. Принимаются все — и разрядники и новички.

— Как будут рыцари-олимпийцы состязаться?

— Исполнять мои приказы, рапортовать и набирать очки; лучших я представлю к награде и к спортивному разряду.

— Что нужно, чтобы получить разряд?

АРЧЕБЕК

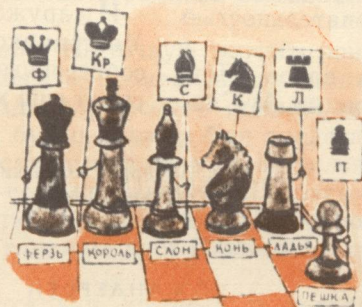
— В турнире будет два этапа — отборочный и финал (в сентябре — октябре). Разряд можно получить в финале, а чтобы туда выйти, надо набрать 50 очков (каждая задача дает 5 очков). Разрядные нормы финала я объявлю потом.

— Будет ли сообщаться олимпийцам, верен или нет их рапорт?

— Нет. Каждый участник обязан сам вести учет правильности своих решений. В этом ему поможет «Бюро самопроверки», где будут приводиться верные ответы.

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

Из штаба АРЧЕБЕКА только что получено сообщение о том, что подсчет набранных рыцарями

в 1971 году очков идет полным ходом. Итоги будут опубликованы, следите за сообщениями ТАШШ (Телеграфное агентство шахматистов и шашистов).

ОЛИМПИЙЦЫ, К БОЮ!

Итак, первый тур Олимпийского турнира, первые боевые задания. Шахматисты должны найти за белых мат в 2 хода —

А. Диаграмма № 1

Б. (В. Симоший) — белые: Кре6, Фе1, Лс1, Лг1; черные: Кре8, Кс4, Кг4.

Шашистам поручаются поиски выигрышающей комбинации за бе-

АРЧЕБЕК

лых — А. (Н. Торопов) — белые: b4, c1, c5, h2, h4; черные: a5, c3, d2, e3, e7.

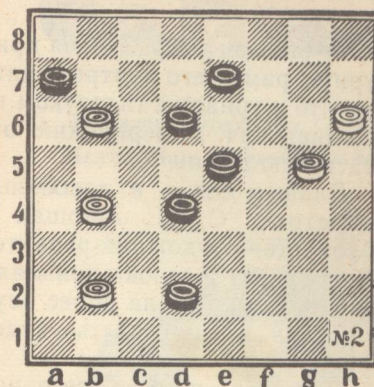
Б. (Н. Торопов) — диаграмма № 2.

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

В АРЧЕБЕКЕ есть шахматы, вырезанные папой Карло из того же полена, из которого выструган Буратино. Понятно, они умеют разговаривать. А сейчас они не на шутку взволнованы...

— Эти рыцарята не смыслят еще, как Пешка ходит, а собираются мною — Конем — командовать!

— А меня — белую Королеву — один рыцаренок поставил перед

началом партии на черную клетку. Подумать только!

— А со мной как обращаются?! Дадут шах и заявляют, что это мат!

Да... Шахматы папы Карло встревожены не зря, а Королева от волнения даже забыла, что она давно уже называется Ферзем. Чтобы успокоить их, шахмат-адмирал всем рыцарятам велит узнать названия и ходы фигур и что такое шах, мат и пат. А также придумать и нарисовать три позиции — с шахом, с матом, с патом.

ПРИКАЗ № 1

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

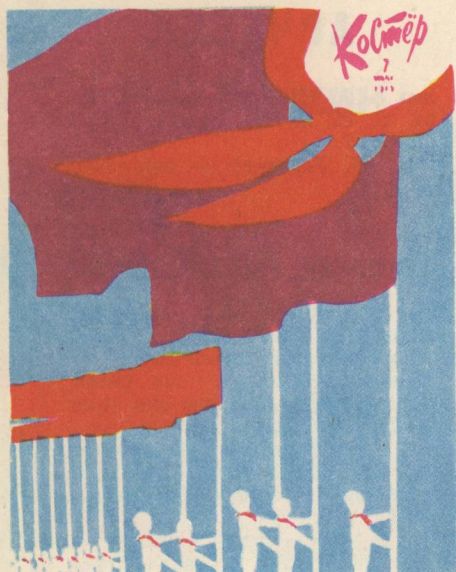
§ 1. Олимпийцам — шахматистам, шашистам и рыцарятам — выполнить свои боевые задания.

§ 2. Желавшим участвовать сразу и в шахматном и в шашечном турнирах — писать 2 рапорта, присылая их отдельно.

§ 3. На конверте (левый верхний угол) помечать: АРЧЕБЕК, приказ № 1.

§ 4. Срок присылки рапортов — 15 марта.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

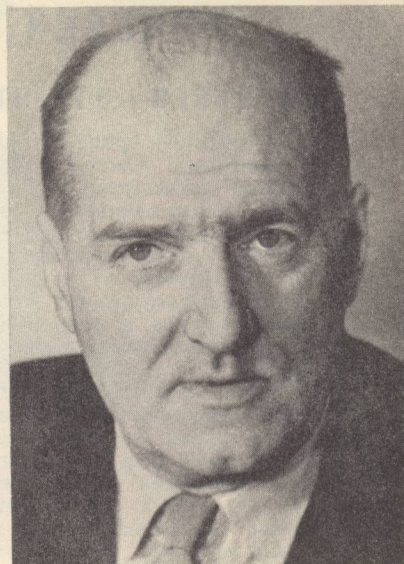

ЛЮБИМЫЕ

СЛОВА

ХУДОЖНИКА

МЕЗЕРНИЦКОГО

Когда он умер, друзья пририсовали на траурную рамку его портрета алый галстук. Потому что журналу с галстуком на обложке Юрий Полиенович Мезерницкий отдал, можно сказать, всю жизнь.

Давным-давно, в довоенные годы, на заре «Костра», С. Я. Маршак записал в своем блокноте: «Художник-редактор Мезерницкий». С тех пор эта строка появлялась на последней страничке журнала более двухсот раз.

Очень нелегко быть художником-редактором.

Для этого, прежде всего, надо быть хорошим художником.

Мезерницкий работал медленно, подчас мучительно. С беспощадной требовательностью к себе.

«Овод» Э. Войнич, «Горный завод Петра III» Т. Богданович, «Черниговцы» А. Сло-

нимского... Если вы держали в руках эти книги, то, конечно, обратили внимание на иллюстрации: до чего они выразительны! Над каждым Мезерницкий трудился так, словно больше уже ничего никогда не нарисует, — изо всех сил, от всей души и сердца.

Того же он — редактор — требовал от своих товарищей.

Бывало, принесут в «Костер» новый рисунок. Автор доволен — отлично получилось.

— Дивно, — скажет Юрий Полиенович. — На стенку вешать можно. А в детском журнале печатать пока нельзя. Для ребят здесь не все понятно, не все интересно. Постарайтесь еще, дружок мой!

И «дружок» не сердится. Признает право Мезерницкого на строгость. Знает, что свои собственные произведения Юрий Полиенович судит еще жестче.

А. Слонимский. «Черниговцы». Иллюстрация. Гравюра на дереве

Г. Х. Андерсен. «Сказки». Титульный лист

Т. Богданович. «Горный завод Петра III». Иллюстрация

В «Костре» много художников, и все разные. Иван Иванович Харкевич, к примеру, рисует совсем иначе, чем Георгий Васильевич Ковенчук. И редактору нужно понимать того и другого, уважать их манеру, но и своим мнением не поступаться. И дать как раз тот совет, в котором нуждаются.

Разные художники сотрудничают в «Костре». А любили они Юрия Полиеновича одинаково.

В иные дни в его комнате яблоку негде было упасть. Слышался из-за дверей многоголосый разговор, смех раскатывался по редакционному коридору, — и становилось ясно: Мезерницкий готовит номер к сдаче.

Есть труженики хмурые, вечно озабоченные, на их лицах написано: «Ах, какая пропасть у меня обязанностей и как они мне надоели!» Юрий Полиенович был другим. Невзгоды свои прятал, а радостями щедро делился. С каким воодушевлением, с какой готовностью принимался он рассказывать о своей охотничьей собаке, конечно же, самой прекрасной из всех собак, о лодочке своей, собственноручно просмоленной, ожидающей лета в укромном уголке Ладоги, близ Приозерска...

Он обожал рыбачить, бродить в высоких сапогах по камышам, жечь костры на туманном лесном рассвете. Но и там, вдалеке от редакции, в редкие недели отдыха он постоянно помнил о другом, о нашем с вами «Костре», беспокоился, слал телеграммы: «Как с обложкой? Скоро вернусь, не решайте без меня!»

На редакционные праздники он являлся с гитарой. Пел, посмеиваясь, старинные, еще петербургские, песенки. Присаживался к пианино — и вдруг огорченно захлопывал крышку:

— Хватит, дилетантство.

Он считал, что касаться клавиш следует только если ты настоящий, профессиональный пианист. Ни себе, ни другим не прощал он полумуменья и полужнания.

«Дилетантство» было главным его ругательным словом. Дилетант знает все и ничего; всем он занимается между прочим, не утруждаясь особенно. И пусть он даже талантлив, — никому не станет от его таланта ни жарко, ни холодно.

Любое, за что Мезерницкий брался, он стремился выполнить на совесть.

Мелочей для него не существовало. Шуточную магнитофонную запись он переозвучивал раз десять, добиваясь от гитары какого-то особо богатого тембра; над оформлением стенной газеты к Восьмому марта корпел так, будто должен был представить ее на всесоюзный конкурс. Перекладывал снимки, шурился, покашливал, прежде чем разрешал себе произнести: «Годится».

Других он хвалил столь же кратко, но более выразительно:

— Это — Работа, — говорил он, глядя на лист Пахомова или Конашевича. — Это — Мастер.

И старался, чтобы молодые художники, которых он только что привлек к «Костру», тоже стали со временем Мастерами. Чтобы они накрепко усвоили и достойно продолжили традиции славного поколения ленинградских графиков, к которому и он, Мезерницкий, принадлежал.

Слова Работа и Мастер были его любимыми словами.

Скоро вы подрастаете, выйдете из пионерского возраста; на смену вам придут другие читатели.

Но, наверно, не раз еще в гуде присланных вами в редакцию писем попадется конверт, адресованный «В «Костер», Мезерницкому», — кто-то шлет свой первый в жизни рисунок, хочет поскорей узнать, ладно ли у него получилось, —

И это будет значить, что никуда-никуда из «Костра» Юрий Полиенович Мезерницкий не ушел.

ВАСИЛИЙ ВАЛОВ

ОТЁСОВЦЫ

В. Валов. «Отесовцы». Обложка
Иллюстрация. Гравюры на дереве

Э. Войнич. «Овод». Иллюстрация
Гравюра на дереве

Помнишь это стихотворение
Маршака?

У Скворцова
Гришки
Жили-были
Книжки —
Грязные,
Лохматые,
Рваные,
Горбатые,
Без конца
И без начала,
Переплеты —
Как мочала,
На листах —
Каракули.
Книжки
Горько плакали...

Он еще и не то вытворял,
этот Гришка!

В географии Петрова
Нарисована корова
И написано: «Сия
География моя.

Кто возьмет ее без спросу,
Тот останется без носу!»

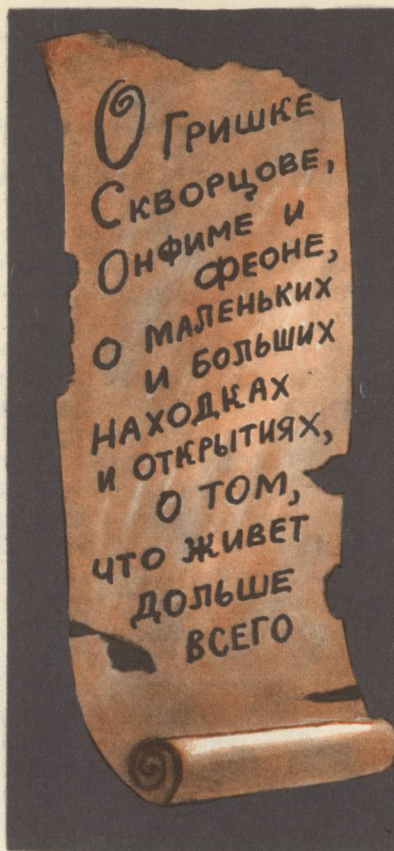
Не знаю, как обстоят дела
по этой части у нынешних
школьников, а до войны, ког-
да я учился, попадались такие
отдельные Гришки, и точно та-
кие же надписи встречал я на
корешках нашей географии Ба-
ранского.

Прошли мои школьные годы.
Война. Университет. И вот я —
преподаватель Петрозаводско-
го педагогического института,
сам учу будущих учителей.

Однажды с группой студен-
тов мы отправились в экспеди-
цию — за песнями, сказками,
частушками. В Карелии народ-
ное творчество сохранилось
лучше, чем в других местах.

Мы ехали на пароходе. Во-
круг нас сидели, курили, ходи-
ли, смеялись люди с мешками
и чемоданами, молодые и ста-
рые, в лакированных туфлях и
русских сапогах, в платках и
шляпах. Шуньга, Великая Ни-
ва, Кузаранда, Толвуя, Сенная
Губа, Кижы — для них родные
деревни, просто деревни, а у
нас, когда мы слышали эти
слова, замирали сердца.

Кижы — это ведь там знаме-

из записок фольклориста

Вл. Бахтин

Рисунки Л. Баминского

нитый деревянный собор, по-
строенный без единого гвоздя;
Кузаранда, Толвуя, Сенная Гу-
ба, Пудож — это ведь там, про-
бираясь на лошадях, на лодках
через топи, реки, ручьи, озера,
записывали былины исследо-
ватели русского фольклора
Рыбников и Гильфердинг. В
этих местах жили четыре поко-
ления легендарных сказителей
Рябининых, Щеголенок, кото-
рого рисовал Репин и слушал
Лев Толстой, нищая старуха —
народная поэтесса Федосова,
чье искусство так высоко оце-
нили и Некрасов, и Горький, и
Ленин.

Вскоре мы уже ходили от из-
бы к избе, беседовали со ста-
риками и старушками, выпра-
шивали, что они помнят, что
пели, когда были молодыми.
Попали и в дом Ивана Михе-
евича Абрамова. Сам хозяин
незадолго до этого скончался,

но семья его встретила нас
приветливо.

— Идите на чердак, там
стоит сундучок Ивана Михе-
евича, — сказала его невестка. —
Может, найдете там что инте-
ресное для себя.

Чего только не было в этом
сундучке! Самое новое печат-
ное издание «Евангелия» поме-
чено 1883 годом, а самая ста-
рая рукопись создана в XV сто-
летию и живет уже пятый век.
Чтобы сундучок не качался,
под один его угол кто-то подсу-
нул сложенную вчетверо само-
дельную тетрадь. Смотрю —
бумага не теперешняя. Развер-
нул — и ахнул. Целехонькая
рукопись: «Сказка об Илье Му-
ромце и Соловье-Разбойнике»,
да еще с картинками!

Эту рукопись я подарил про-
фессору Анне Михайловне Ас-
таховой в день ее семидесяти-
летия. Она опубликовала ее в
своей книге «Илья Муромец».
Через пятнадцать лет на вы-
ставке новых поступлений в
секторе древнерусской литера-
туры Пушкинского Дома меня
спросили:

— Узнаёте?

На витрине, под стеклом, под
темной материей — чтоб не вы-
горела от солнца — та самая
рукопись. Анна Михайловна
побоялась за ее сохранность и
передала в Академию наук.

Но вернемся в деревню Кос-
мозеро, что находится непода-
леку от Кижей, в избу Ивана
Михеевича.

Несколько поколений Абра-
мовых были иконописцами, бо-
гомазами. На полях религиоз-
ных сочинений часто встреча-
ются пометки, как рисовать
тот или иной сюжет. Видно, что
художники старались оживить,
очеловечить фигуры бога и
святых. Это были образован-
ные, начитанные люди.

В библиотеке Абрамовых,
среди других книг, попался и
Катехизис — учебник закона
божьего, изданный еще в XVIII
веке. Раскрыл я этот самый
Катехизис и на внутренней сто-

роне обложки увидел выцветшую надпись:

*изъ Книгъ Петра дехмана
1803 2 Класа
кто возметъ Песпросу
тотъ будетъ безносу
Кто возметъ Просом
Тотъ будетъ сносомъ.*

Узнал? Вот ведь, оказывается, сколько лет этому школьному стишку!

Посмеялись мы тогда. Стали вспоминать другие подобные стишки. Например:

*Пифагоровы штаны
Во все стороны равны —*

тоже старое, задолго до революции известное.

Много лет прошло с той поездки. Забыл я совсем и Скворцова Гришку и неведомого второклассника Петра Дехмана. Я стал профессиональным литератором. Однажды попросили меня съездить в Новгород с одним венгерским писателем. Новгород — моя родина, я там давно не был, и я с радостью согласился.

И вот мы в Новгородском Кремле. Осматриваем белокаменный Софийский собор, Грановитую палату. Потом, конечно, идем в музей. Медленно бродим от витрины к витрине, разглядываем экспонаты. Особенно долго стоим возле берестяных грамот. Их только в послевоенные годы начали находить при археологических раскопках.

До знакомства с берестяными грамотами ученые думали, что читать и писать в древней Руси могли лишь очень немногие — зажиточные купцы, бояре, монахи. Оказалось — судя по содержанию берест — грамотным был чуть ли не каждый новгородец. И ремесленники, и крестьяне, и посадские люди.

Значит, было немало каких-то школ и, если не учебников, то каких-то учебных пособий. В одной из раскопок попалась азбука, вырезанная на можжевеловой доске. Обнаружили несколько азбук и ученических

записей на бересте, нашли рисунки с подписями маленького мальчика Онфима. На одной бересте оказалась записанной загадка.

Я все это рассказываю гостю, переводчица переводит, а гость внимательно слушает.

Теперь, говорю, давайте прочитаем эти бересты. Вот, например: «От Бориса ко Настасии. Како приде ся грамота, тако пришли ми цоловек на жереппе, зане ми здесе дел много. Да пришли сороцицу, сороцице забыле». Вот, забыл человек рубашку — и пишет жене. Значит, не только мужчины, но даже и женщины в древнем Новгороде учились.

Или вот еще... Пойдите, пойдите! — кричу и хватаю писателя за рукав. Видите?..

*Невежа писа, недума каза,
а хто се цита...*

То есть: «невежа писал, недума сказал, а кто это читал...»

Я переписал это в свой блокнот (на витрине, конечно, копия была, с прорисованными буквами).

В Ленинграде сразу же побегал в Публичную библиотеку и взял книгу профессора А. В. Арциховского «Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1952 года». Эта грамота значится под № 46 и выглядит так:

Н В Ж П С Н Д М К З А Т С Ц Т
Е Е А И А Е У А А А Х О Е И А

Вот что пишет о ней профессор:

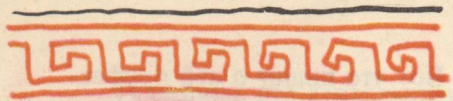
«На первый взгляд грамота производит впечатление шифрованной: но это не шифр, дело обстоит проще. Когда я попробовал связать буквы первой и второй строк по вертикали, смысл сразу обнаружился...» Конец фразы оторван, там, видимо, стояли бранные слова. «В целом это типичная школьная шутка», — замечает ученый.

Грамота найдена на глубине 2,89 метра, на откопанной деревянной мостовой Великой улицы. Шутка эта, по определению специалистов, состоялась в конце XIII или в начале XIV века... Чуть ли не шестисот лет назад.

А не было ли у Гришки Скворцова еще более древнего предшественника? Ты, наверно, читал книжку советского историка С. Я. Лурье «Письмо греческого мальчика», — она в нашей стране не раз издавалась. Автор рассказывает в этой книжке о папирусе, который подарил ему один американский ученый, о том, как он расшифровывал этот папирус, и о мальчике Феоне, который на этом папирусе написал письмо своему отцу. Читаем:

«Феон скучает. Он оглядывает знакомое школьное помещение, высокие облупившиеся колонны, кончающиеся наверху причудливыми листьями, длинные скучные скамьи, статую богини Клио, покровительницы наук, и несколько других статуй, поменьше; в углу желтый исцарапанный шкаф, в котором учитель хранит папирусные свитки. Потом Феон переводит взгляд на белую, плохо оштукатуренную стену со следами надписей, сделанных проказливыми учениками и кое-как стертых по приказу учителя. В углу уже красуется новая надпись:

*анагигноске анотате прос та
дексиа
читай на самом верху справа*

Феон заинтересовался. Он смотрит вверх и читает:
*о анагигноскон питекос
кто прочтет, тот обезьяна.*

Это было около двух тысяч лет назад.

Теперь, ребята, ищите скалу, на которой мальчишка каменного века высек кремневым топором: «Кто писал, не знаю, а я, дурак, читаю»...

Впрочем, грамоты тогда еще не было, и скалы такой, значит, найти невозможно.

Я рассказал вам историю о школьных стихах и проказах потому, что на этом примере хотел показать, как живучи вообще традиции, обычаи. Память народа, сохраняющая его язык, легенды, предания, зачастую оказывается прочнее дерева и камня.

Встречайте, едем!..

Самый большой актовый зал в школе № 2 Казани расцвечен флагами шести автономных республик. Совет пионерской дружины принимает здесь гостей фестиваля, названного «В созвездии братских республик Поволжья».

На торжественной линейке — все делегаты.

— Товарищ ведущий фестиваля! Делегация Второй школы Уфы, столицы Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики к проведению фестиваля готова!

— Делегация Мордовии — готова!

— Делегация Удмуртии — готова!

— Делегация Чувашии — готова!

— Марийская делегация — готова!

В одном строю с хозяевами фестиваля представители сельских школ Татарии — Столбищенской и Ленино-Кокушкинской.

С гордостью и знанием дела рассказали делегаты о жизни своих пионерских организаций, о знатных людях республики, с которых собираются брать пример. Делегатамариец прочел стихи собственного сочинения:

Я родился свободным
В советской стране
И с друзьями моими
Тружусь наравне.
Татарин и русский,
Чуваши и мордвин
Хоть в бою,
Хоть на стройке —
Мы все как один!

Участники фестиваля гостили в Казани три дня. Побывали в знаменитом Казанском государственном университете, съездили в Ленино-Кокушкино, к месту первой ссылки Владимира Ильича Ленина.

Хорошая традиция — фестивали дружбы. И идет она от Первого татарского слета пионеров 1929 года. Именно тогда был принят наказ — крепить дружбу с пионерами соседних республик.

Как принимали этот наказ на Первом слете в Казани, помнит ветеран пионерского движения Татарии, делегат слета Анна Григорьевна Матвеева. Теперь Анна Григорьевна помогает следопытам писать Летопись пионерских дел республики, ведь ее жизнь связана с пионерией без малого пятьдесят лет.

Ш. Яруллин, аспирант
Казанского педагогического
института

С этого выпуска «Боевого школьного» мы начинаем разговор о карикатуре и подписи к ней и о том, как стать художником или поэтом-сатириком. Внимание, школьные корреспонденты, художник В. Травин и поэт А. Шкляринский приглашают вас на первый урок.

Виктор Травин, художник.

— Если нужно нарисовать карикатуру, высмеять плохой поступок своего товарища, то главная задача — найти «образное решение».

Что это значит? Вот, например, пришло в «Костер» письмо. На рисунке изображен ученик, оседлавший тройку. Все в рисунке хорошо, но художник нарисовал просто «тройку», цифру. А можно бы нарисовать «тройку» в виде коня. Тогда получился бы запоминающийся образ.

Могут быть и другие решения — придумайте их. И пришлите в «Боевой школьный».

Александр Шкляринский, поэт.

— Стихотворная подпись к рисунку иногда поясняет нарисованное, а иногда в ней заключен весь смысл. Стихотворная подпись должна быть прежде всего остроумной. Надо стараться раскрыть смысл происходящего с неожиданной стороны.

Например, рисунок изображает ученика, убегающего с урока физкультуры (тема подказана учеником школы № 52 из Новокузнецка).

Как «обыграть» этот поступок? Пожалуй, парень мог бы стать хорошим спортсменом, не трать он впустую свою энергию. Такой неожиданный вывод помогает провинившемуся скорее понять свою ошибку и, следовательно, исправить ее.

Мчится «тройка» удалая.
Год учебный — дальний путь!
(А дорожка-то кривая,
Может к двойкам повернуть).

Превратился мальчик в птицу,
Бедный Петя-петушок...
С каждым может так случиться,
Кто не выучил урок!

КТО ОН?

(фельетон-загадка)

Кто он, тот, что на уроке
Весь в заботах и тревоге
О бумагах, красках, клее
И о школьном юбилее?
Кто потом в затихшем классе
О случайной плачет кляксе,
Вдруг сорвавшейся на лист,
Что недавно так был чист?
Кто он, тот, что на рассвете
Фотографии в кювете
Промывает в сотый раз,
Не сомкнув усталых глаз?
Кто он? Чей же тут портрет?
Ты легко найдешь ответ,
Перебрав в уме приметы...

(ответ — НО)

Занимайся спортом он,
Был бы в беге — чемпион!
Бегают он здорово...
Жаль, в другую сторону.

Из воспоминаний художника

ПОЭТ

Недаром я молодость отдал,
Россия, за славу твою,
Мои комсомольские годы
Еще остаются в строю.
(М. Светлов «Россия»)

— В комнате поэта не должно быть стен. Никакой ветер не задувает свечу поэзии, — говорил Светлов.

В его рабочем кабинете был, естественно, письменный стол, но стул... стоял где-то в стороне.

Работая над стихом, Светлов шагал взад и вперед по комнате в поисках нужной строки или слова. А записать он мог, приложив бумагу к стене. К столу он садился, чтобы выправить и переписать начисто стихотворение, написанное на ходу.

Ему не мешало присутствие людей во время работы. Он даже любил, чтобы кто-нибудь находился рядом. Когда звонили из газеты с просьбой срочно написать стихи, он говорил:

— Приходите. Вместе и напишем.

Светлов рассказывал, как однажды, неожиданно, к нему приехал из Ленинграда режиссер и сказал, что для фильма, который он ставит, нужна песня о девушке, о гражданской войне.

— Когда нужна эта песня? — спросил Светлов.

— Срочно, — ответил режиссер и, сославшись на усталость, собрался идти в гостиницу отдохнуть.

— Нет уж, — сказал Светлов, — если песня нужна срочно, не уходи. Ляг на этот диван и спи, а я буду писать.

Через сорок минут песня была готова.

— Как это тебе удалось так быстро написать? — спросил разбуженный режиссер.

— Я готовился к этой песне всю гражданскую войну да еще и все годы, что прошли после нее, — ответил Светлов.

Так была создана ставшая знаменитой «Каховка».

Иосиф Игин

нас научили прелесть года
и мучительна ушло истинное,
что отступило временно всегда,
и, что должно быть вечным настоящим!
М. Светлов

БЫСТРЕЕ ВЕТРА

Кто не знает Валерия Борзова! Человек-ракета, быстрейший из быстрых пробегает стометровку за 10 секунд! Валерию нет равных в Европе. Побеждает он и лучших заокеанских бегунов.

Борзов — спринтер. Что это значит?

Спринт — это бег на короткие дистанции, бег с предельной скоростью. Спринт — это состязание в быстроте, оно продолжается мгновения, но требует большой силы, ловкости, умения владеть своим телом.

Спортивная школа при журнале «Костер» носит название «Спринт». Юных легкоатлетов мы учим бегать быстрее ветра. Наша школа — заочная. Это значит, что все ученики занимаются самостоятельно, пользуясь советами и рекомендациями, которые печатаются в спортивном отделе «Костра». Ребятам, мечтающим стать спортсменами-разрядниками, мы высылаем дополнительные консультации: тренировочные планы, комплексы специальных упражнений, методические указания.

Среди наших консультантов — опытные тренеры и мастера бега. В нынешнем году в «Костре» будут напечатаны интервью с прославленными чемпионами.

Если ты сумеешь организовать у себя в классе, на дворе или в деревне кружок спринтеров и добьешься успеха на беговой дорожке, то станешь кандидатом на участие в ежегодном спортивном празднике. Самые прилежные наши ученики собирались на Всесоюзные слеты юных бегунов — в пионерские лагеря «Артек» и «Орленок».

Чтобы записаться в школу «Спринт», надо сообщить в редакцию «Костра» имя, фамилию, год рождения, домашний адрес.

Каждый ученик школы «Спринт» получает свой корреспондентский номер, который следует обязательно ставить на письмах в редакцию.

Вперед, быстроногие!

Спринтеры в Артеке

По утрам в Артеке так призывно трубят горны, что даже я, всегда ленившийся делать физзарядку, мгновенно вскочил с постели и тут же стал прыгать, приседать, отжиматься. Но, честно признаюсь, силенок хватило ненадолго. А все это, уверен, потому, что двадцать лет назад, в пору моего детства, еще не работала школа «Спринт». Допускаю, что она не вырастила бы из меня олимпийского чемпиона, но мускулы у меня были бы покрепче.

В начале десятого на стадионе появились двое артековцев и сразу стали бегать наперегонки. Потом перешли в сектор для прыжков в длину, потом начали прыгать в высоту, потом метать мячи.

Это были юные спринтеры: Толя Эртель и Сережа Лопаткин.

Говорит Толя:

— Разрешите взглянуть, правильно ли вы записали мою фамилию? Ее дал прадеду-крестьянину немецкий помещик, их при царе много было в Краснодарском крае. Я живу в станице Северской. Знаете, скучища когда-то была на нашей улице. Иногда соберемся, нашкодим чего-нибудь, в лучшем случае в ловитку сыграем — и снова по домам. И вот как-то в 1966 году, мне тогда исполнилось одиннадцать лет, я прочитал о «Спринте». Решил попробовать. Выполнял все советы и рекомендации: и те, что печатаются в «Костре», и те, что рассылаются из «Костра» по почте.

Дальше — больше. Надо, скажем, в станицу Азовскую, так не еду автобусом, а бегу. Это километров десять. Устану — подтянусь на тополях, попрыгаю. И обратно бегом. К колодцу, метров 500, — тоже бегом. Разумеется, с двумя ведрами.

У меня есть кролики. Траву для них рву далеко за станицей. Набью ею огромный мешок — опять бегом. По автотрассе. Туристы часто останавливаются, фотографируют. Наши, иностранные. Я им всегда рассказываю про нашу школу «Спринт».

Спустя время дал рекомендацию в «Спринт» Юре Сачко. Постепенно увлеклись спортом все ребята на нашей улице. Вместе бегаем круглый год, даже в дождь, даже в ливень с грозой — интересно, красиво! Сделали мы футбольное поле, играем в волейбол, баскет, толкаем ядро. Отчего синяк под глазом? Это вот друг Сережа посадил в борьбе за мяч, когда наши отряды играли в баскетбол.

Говорит Сережа:

— За синяк я прошу прощения. Не специально. Просто очень жаркой была встреча! Отбирали кандидатов в сборные команды дружин, и мне, понятно, хотелось попасть. А вообще-то, во все артековские сборные, по каждому виду спорта, обязательно попадают спринтеры. Ведь школа наша хоть и называется «Спринт», а дает подготовку — обще-фи-зи-чес-кую.

Лично я в «Спринте» занимаюсь четвертый год. На окраине Иркутска, где мы получили новую квартиру, для этого есть все условия: прекрасный воздух, лес, речка. Обычно мы с моим другом Володей Вахрушевым встаем в шесть утра. Сначала легкий бег с передышками, потом наращиваем скорость. Зимой солнце встречаем на лыжах. У меня есть цель — стать летчиком, а значит, стать очень сильным, здоровым. Мама волновалась, как перенесу я свой первый полет — из Иркутска в Симферополь. Но я даже не почувствовал ни взлета, ни посадки.

...С посещения главного пионерского лагеря страны минуло немало дней, и теперь я отчетливо понимаю, что, командуя меня в Артек, редакция «Костра» задумала как бы проводила эксперимент: какой след оставит в человеке, ленившемся делать физзарядку, встреча с быстрыми и выносливыми? Отличный след! Теперь я каждое утро пятнадцать минут отдаю гимнастике, а по вечерам обязательно бегаю. Сначала пробегал до километра — страшно тяжело было, теперь и пять не проблема. Чувствую себя прекрасно. В следующую субботу отправляюсь в свой первый 30-километровый турпоход. Бросил курить.

(Последние строки, ребята, вы можете прочитать своим папам...)

*Василий Захарько, взрослый спринтер
Фото автора*

СОВЕТЫ МАСТЕРА

Самые простые и доступные упражнения могут принести большую пользу начинающему бегу. Что, казалось бы, проще, чем сделать «угол», то есть какое-то время, опираясь на руки, держать вытянутые ноги под прямым углом к туловищу. Для опоры достаточно иметь два стула или табурета. Можно также опираться локтями о края двух столов. Главная задача — продержаться ноги под углом как можно дольше.

Это упражнение полезно включать в утреннюю зарядку, в физкультпаузу во время приготовления уроков, в любую тренировку.

«Угол» укрепляет мускулатуру рук, ног и особенно брюшной пресс, без чего нельзя рассчитывать на успех в каком-либо виде спорта.

С. Соколов, мастер спорта

ЧТО ТАКОЕ

В горах возник какой-то неясный гул. С каждым мгновением он становится все явственнее, перерастая в оглушительный грохот. Наконец, мимо промелькнули длинные сани в виде огромного боба. В них, пригнувшись, сидели четверо. На повороте сани взлетели вверх и промчались по вертикальной стене виража — ведь скорость превышала 100 километров в час. Так выглядят состязания по бобслею — скоростному спуску по специальным трассам на управляемых спортивных санях.

Бобслей возник в конце прошлого века в Швейцарии и получил распространение во многих странах Европы и Америки. Состязания на двухместных и четырехместных бобслеях входят в программу зимних олимпийских игр.

СОРЕВНУЮТСЯ ГЛУПЦЫ

Рисунки Ю. Бочкарева

* * *
...47-летний американец Морис Эллиот установил рекорд мира по сидению на столбе. Он провел 196 часов на вершине двенадцатиметрового столба, стоящего на одной из площадей в предместье Вашингтона. Эллиот на 6 часов превысил достижение своего соотечественника Уильяма Говарда...

* * *
...Абсолютный рекорд в поедании устриц, как по скорости, так и по количеству проглоченных без перерыва, установил конторский служащий из Сиднея (Австралия) Элфред Рейнбот. За 24 минуты ему удалось расправиться с 322 моллюсками...

* * *
...Около трех тысяч зрителей наблюдали за состязаниями плакальщиц в Филадельфии (США), когда разразился скандал: фаворитка чемпионата Энита О'Дэй на исходе второго часа была уличена в мошенничестве — ее носовой платок оказался пропитанным луком...

Иностранки

РАССКАЗ

Я хочу рассказать очень маленькую историю, которая произошла со мной в Артеке.

Мы с Иринкой приехали в Артек из Тбилиси.

Врач назначил нам ходить на ингаляцию. Как-то мы пришли в амбулаторию и нас попросили подождать. Мы сели в сторонке, около стола для пинг-понга, и стали болтать по-грузински.

Видим, подходят двое мальчишек, берут ракетки и начинают играть. Вдруг слышим:

— Федь, а Федь.

— Ну, чего тебе?

— Как думаешь, это иностранки?

— Кто их знает.

— Спорю, что французы.

— Исключено! У французов галстуки зеленые, а у этих, видишь, красные. Скорее всего, они из Эстонии или Молдавии...

Мы насторожились. Речь шла явно о нас.

— Федь!

— Ну?

— Говорю тебе, это иностранки.

— Ну и лещий с ними. Ты, Мишка, лучше играй. Больно мажешь.

Честно говоря, меня покорило выражение «лещий с ними», но виду все же не показала.

Мальчишки некоторое время играли молча, но Михаил вскоре не выдержал:

— Федя, это же болгары!

— На лбу у них этого не написано.

— Но я вспомнил!

— Что вспомнил?

— Язык болгарский. Три года изучал.

— Хватит врать-то... Твоя подача, не забывай.

— Не веришь? Ну, хочешь, я тебе переведу? Вот та, с хвостом, сказала: «Как сейчас этот (то есть я) ударит тому (то есть тебе)!» А со стрижкой одобряет: да, мол, шпарит железно.

Мы говорили совсем не о том!

— Слушай, Мишка, брось трепаться... Стой, куда ты?

Мишка направился к нам:

— Привет семье!

Мы закивали в ответ, хотя я до сих пор не понимаю, при чем тут была семья. С Иринкой как будто мы не похожи...

— Можно узнать ваши имена?

Иринка довольно кокетливо проговорила

«не понимайт». Мишка злорадно взглянул на красного от смущения Федю.

— Ну, как же объяснить... Гм... Вот я, к примеру, Мишка, Михаил. А вот он — Федька, Федор то есть. Вы из Болгарии?

— Не понимайт...

— Ну, Болгария, София...

— Соуфия, Соуфия, — обрадованно закивала Иринка.

Миша галантно так спросил:

— Не дадите ли вы нам свой адрес?

— Адрес?

— Да, да. Адрес, где живете, дом, дом.

Я зашептала Иринке на ухо: «Ну, доигрались? Как теперь выкручиваться?»

Но выкручиваться не пришлось. Няня, которая знала нас хорошо, вышла на крыльцо амбулатории, крикнула:

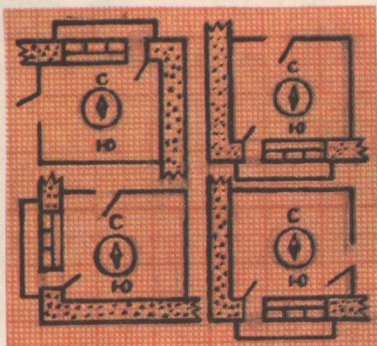
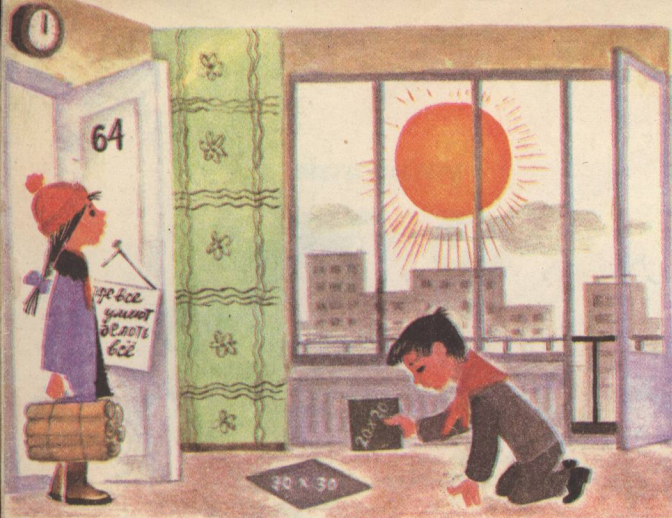
— Ирина! Нина! Врач вас ждет!

Я вскочила, а Ира, невозмутимая Ира, этим зловещим голосом прошептала Мишке:

— А язык болгарский ты и впрямь позабыл. Но ничего, теперь вспомнишь, как миленький... шпарить будешь.

— Железно! — добавила я.

Нина Косырева, ученица 7 класса г. Тбилиси
Рисунок Б. Семенова

КТО ПРАВИЛЬНО СООБРАЗИТ, ТЕМ НЕУДАЧА НЕ ГРОЗИТ

Открыв эту страницу, вы попадете в квартиру № 64, ГДЕ ВСЕ ВСЁ УМЕЮТ

Знакомьтесь: это ребята из квартиры № 64. Они затеяли ремонт комнаты, в которой они играют и занимаются.

Петя разложил на полу 4 плана. Кто из вас может подсказать ему, на каком из них изображена именно эта комната?

Нашли план комнаты? Запоминайте! 1) Длина комнаты на 1 м больше ширины. 2) Ширина входной двери = $\frac{1}{3}$ ширины комнаты. 3) Ширина балконной двери = $\frac{1}{2}$ ширины входной двери. 4) Высота стен на 0,5 м меньше ширины комнаты. 5) Высота обеих дверей на 0,5 м меньше высоты комнаты. 6) Высота оконных рам на 0,5 м меньше высоты дверей. 7) Ширина каждой из трех рам равна ширине балконной двери и все они вместе с балконной дверью занимают половину длины комнаты.

Теперь найдите вместе с Петей площадь комнаты.

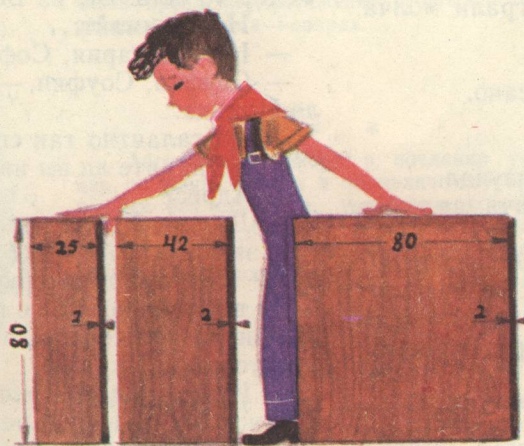
Помогите Алеше сосчитать, какое наименьшее количество плиток размером 30×30 см и 20×20 см потребуется, чтобы покрыть пол, если можно укладывать плитки и того и другого размера, но нельзя их резать?

Помогите Кате сообразить, хватит ли 8 кусков обоев по 7,5 метра в куске, шириной 0,5 м, чтобы оклеить все четыре стены?

Помогите Маше разобраться, в каком рулоне те обои, которые она начала клеить на стену.

Посоветуйте Мите, какую мебель можно собрать из тех заготовок, которые у него есть.

Как видите, в таком деле без математики и сообразительности не обойтись.

СОДЕРЖАНИЕ

Марш продолжается	1
Жаркое лето	
повесть Н. Печерского	
рисунки Т. Капустиной	2
Там, где начало трубы	
репортаж А. Семенова	
рисунки В. Прошкина	17
Страна Поэзия	
Илья Фояков	
рисунки Ю. Бочкарева	20
Новеллы о моем детстве	
Олега Шестинского	
гравюры А. Ушина	23
Союз нерушимый	33
О двух мастерах	
очерк А. Гельмана	
рисунки И. Латинского	34
У харцеров	
фотоочерк Яна Стыковского	36
Морская газета	
оформление Р. Попова	38
Стихи вьетнамских поэтов	
перевел С. Ботвинник	
рисунок Т. Оболенской	40
Ни одного отстающего рядом	
очерк В. Того	
рисунки А. Януса	41
Зеленые страницы	
ведет Н. Сладков	
оформление Т. Капустиной	44
Отвечаем на твой вопрос	
рисунок О. Зуева	46
Эрмитаж умывается	
беседа М. Ильиной	
и О. Колесовой	
оформление М. Беломлинского	47
КОСТЯ ТЕРКИН берет интервью	50
АРЧЕБЕК	51
Любимые слова художника	
Мезерницкого	52
О Грише Сворцове	
очерк Вл. Бахтина	
рисунки Л. Каминского	54
Пионерии—50	56
Боевой школьный карандаш	
стихи А. Шкляринского	
рисунки В. Травина	56
Уголок веселого архивариуса	
И. Игин	
рисунки автора	58
Школа "Спринт"	58
Спортивный чемоданчик	60
Уголёк	
журнал для малышей	61
Рассказы наших читателей	63

На обложке рисунок Д. Бекарян
На 2-й странице обложки фото
Г. А. Кострова

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтульев, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Ю. Д. Полюков, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь), Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
М. С. Беломлинский

Корректор
В. А. Маевская

Технический редактор
В. И. Мецатунова

Рукописи и фотографии не возвращаются
Адрес редакции: 193015 Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-36315.
Тираж 600 000 экз.

Заказ № 1330

Подписано к печати 26/ХІ 1971 г.
8,8 уч.-изд. л.

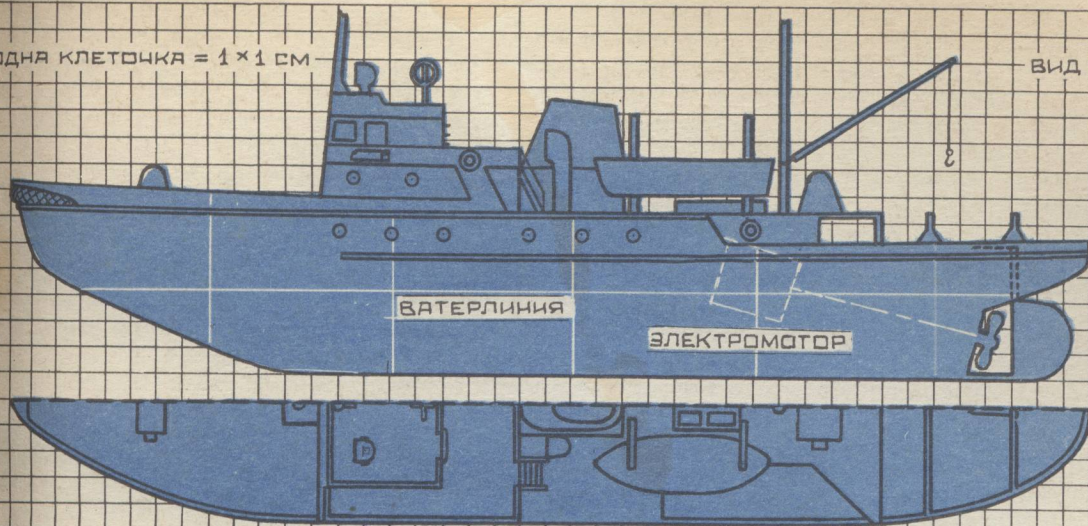
Формат 60×90 мм. Печ. л. 8+обл.
Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Ленинград, Кропиверская ул., 7.

ОДНА КЛЕТЧКА = 1 × 1 см

ВИД С НОСА

ВИД С КОРМЫ

СДЕЛАЙ САМ

ПОРТОВЫЙ БУКСИР

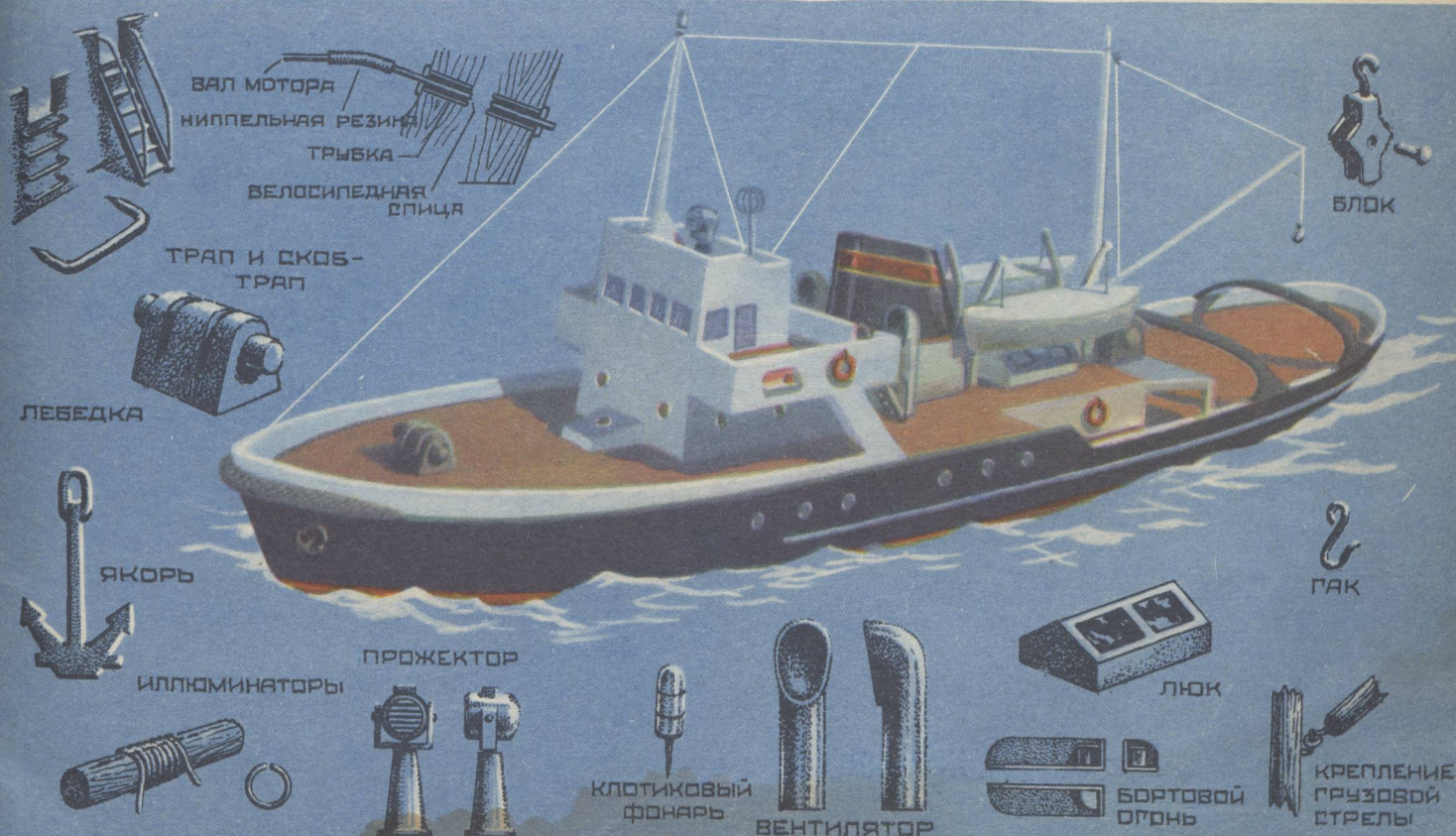
Корпус этой модели нужно выдолбить изнутри, предварительно обстругав по внешним обводам. Сделайте шаблоны по внешним обводам (на чертеже они белые). Снимите стамеской дерево с корпуса, проверяя свою работу этими шаблонами.

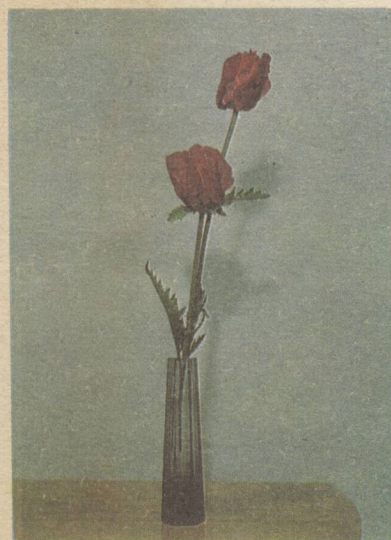
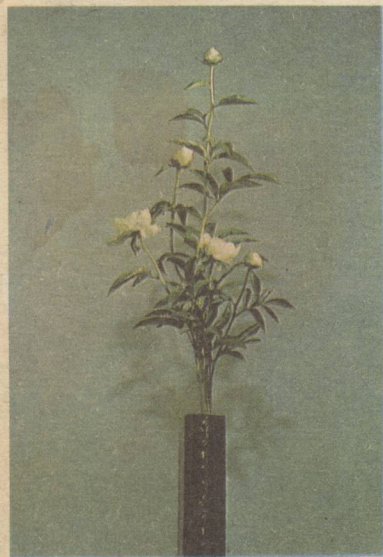
В корпусе укрепите электромотор и батарейку, поставив в цепь выключатель. Ступеньки трапов вклеивают между двумя деревянными планками, у скоб-трапов их делают из проволоки и вбивают в стенку рубки. Лебедки выстругивают из брусков дерева и наполовину в двух местах пропиливают. В эти щели пропускаются тросы и якорные цепи. Якоря выпиливают из толстой фанеры и окрашивают черной краской. Блок вырезают

из жести, сгибают так, как показано на рисунке, и крепят к мачте. Через него проходит канат грузовой стрелы к лебедке. Прожектор, вентиляторы, труба, световой люк и шлюпки делают из брусков дерева и окрашивают в соответствии с рисунком. Иллюминаторы делают так: на круглую палочку навивают несколько витков проволоки, потом проволоку разрезают по пунктирной линии (см. чертеж). Колечки приклеивают к борту клеем БФ-2 и внутри красят зеленой краской.

Прежде чем отправить буксир в плавание, проверьте, как он стоит на воде, и загрузите балластом так, чтобы ватерлиния чуть выступала над водой. Счастливого плавания!

И. Секретарев

И К Э Б А Н А

В Японии очень популярно искусство икэбана. Что такое икэбана? Точно перевести это слово трудно. Живые цветы. Ожившие цветы. Цветы, в которые вдохнули жизнь.

Существует множество школ, курсов и кружков, где учат основам этого искусства. Из веток, цветов и трав создают выразительные композиции. И обязательно скупыми средствами, — пестрота, роскошь недопустимы. Стараются избежать и симметрии, чтобы подчеркнуть неповторимость, трепетность красоты.

Посмотрите внимательно на эти четыре композиции. Разве не красив торжественный строгий букет из белых пионов? Он выполнен в старых традициях. А вот вполне современный букет, радостный, насыщенный красками; цветы чуть склонились, как под порывом свежего ветра. Ярко пламенеют маки. Нежна и изящна веточка акации в скромной вазочке из бамбука. Просто? Но именно такую простоту и любят японцы.

Фото
Б. Уткина